

С. А. БУРЛАК, А. С. МЕЛЬНИКОВ,
А. В. ЦИММЕРЛИНГ

ПАРАЛЛЕЛИ МЕЖДУ СЛАВЯНСКИМИ И ГЕРМАНСКИМИ ЯЗЫКАМИ: ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО¹

0. Работа посвящена параллелям между славянскими и германскими языками в области фонетики, просодики, словаря и грамматики. Явления, о которых пойдет речь в статье, обсуждались в связи с тремя группами проблем: 1) генетической общностью славянских и германских языков, которые могут сохранять отдельные черты индоевропейского праязыка, утраченные в других индоевропейских языках, 2) типологической близостью славянских и германских языков на разном уровне организации; сходство фонетических и грамматических параметров, а также сходство словарных концептов и механизмов их эволюции во времени могут объясняться конвергентным развитием; 3) контактами носителей славянских и германских языков и диалектов. В цели статьи входит также обзор работ, показывающих современное состояние дискуссии. В основном учитывались работы второй половины XX в., но в некоторых случаях обсуждаются выводы и предположения, высказанные в более ранний период, но по тем или иным причинам не получившие надлежащего осмысления. Некоторые из упоминаемых работ хорошо известны и часто цитируются, другие мало доступны и носят специальный характер. Для нас решающим обстоятельством везде был не индекс цитирования работы, а доказательность её выводов. Главной целью статьи является отделение *предположений* о причинах возникновения тех или иных сходжений между славянскими и германскими языками, сделанных с позиций тех или иных теорий от строго доказанных *фактов*; по мнению авторов настоящей статьи, реестр последних нуждается в тщательной ревизии. Выборка обсуждаемых работ не является строго формальной и не претендует на полноту охвата научных материалов, но она дает представление об основных направлениях поиска и основных результатах в затронутых областях.

¹ Раздел 3 написан при поддержке гранта CEU/RSS № 932/1999.

Славянские и германские языки интересны для историко-типологической и ареальной лингвистики прежде всего тем, что они представляют две сравнительно близкородственные языковые семьи, которые развивались в Европе в непосредственной близости друг от друга, при этом процесс распада славянского и германского праязыков и их ветвления на отдельные диалекты осуществился весьма поздно — в течение последних двух тысячелетий. Это значит, что большинство славянских и германских языков имеет длительную письменную историю, что облегчает их изучение; в отдельных случаях мы даже благодаря удачному стечению обстоятельств можем оценить условия перехода некоторых славянских и германских языков от устного состояния к письменному. Культурно-исторические факторы играют не последнюю роль для успешного проведения сравнительно-исторической и диалектологической процедуры, поскольку при наличии репрезентативного корпуса текстов и методов их толкования можно делать более точные выводы о формальных ограничениях и семантике единиц в языках и диалектах, отдаленных от нас во времени и пространстве. Авторы работы стремились по возможности учесть эти факторы, хотя их действие не везде оговаривается в нашем материале.

Статья написана совместно С. А. Бурлак, А. С. Мельниковым и А. В. Циммерлингом². На стадии подготовки работы большую помощь оказала Т. В. Штарева. Авторы благодарят И. Б. Иткина, Т. М. Николаеву, Т. Н. Молошную и всех сотрудников Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН за высказанные замечания.

Начальный раздел работы посвящен проблемам исторической лексикологии, второй раздел посвящен проблемам фонетики и просодики, заключительный раздел посвящен проблемам грамматики. Объем материала заставляет нас выбрать внутри каждой группы работ основные линии.

1. Проблема славяно-германских изоглосс

В индоевропеистике существует традиция доказывать генетическую общность двух языков, приводя специфические только для них изоглоссы; изоглоссы могут базироваться как на сопоставлении корней, так и на сопоставлении основ, дифференцированных теми или иными морфологическими (аффиксы) или морфонологическими (огласовка корня) средствами. Кроме того, отличительным признаком может считаться особое семантическое развитие данного корня или основы, сближающее данные языки и противопоставляющее их другой группе родственных языков. Наличие списка подобных изо-

² Раздел 0 написан авторами совместно, раздел 1 написан С. А. Бурлак, раздел 2 — А. С. Мельниковым, раздел 3 — А. В. Циммерлингом, § 2.4 написан А. С. Мельниковым и А. В. Циммерлингом совместно.

гloss может считаться доказательством того, что сближаемые языки на определенной стадии составляли языковую общность (в данном случае — «славяно-германский язык» или «славяно-германский языковой союз»), но лишь при условии, что количество изогloss превышает среднестатистическое значение, проверяемое путем сопоставления двух произвольно взятых родственных языков. Понятно, что успех процедуры зависит от наличия предварительно составленного списка корней и сопоставляемых значений, но мы этот вопрос опускаем.

Нельзя не видеть, что результат процедуры даже при том условии, что число изогloss удовлетворяет названным требованиям, во многом зависит от случайных факторов, а именно от сохранности той или иной изогlossы в корпусе текстов: так, некая лексема или основа могла существовать, но не отразиться в записях. Между тем компаративисты, пользующиеся методом изогloss при сближении языка X и языка Y, обычно исходят из презумпции «закономерности»: если лексема *a* отразилась в языках X и Y, но не в языке Z, значит, её в языке Z и не было (по крайней мере, начиная с определенного времени)! Не менее важным экстралингвистическим фактором является состояние этимологических знаний: этимология разных индоевропейских языков разработана в разной мере. Поскольку компаративист не может полагаться на то, что к началу его работы будут найдены новые языковые данные и мгновенно появятся новые этимологические словари, ресурс прогресса видится в оценке корректности существующих этимологий. Данная работа была проделана С. А. Бурлак для списка славяно-германских изогloss, составленного X. Стангом.

Книга норвежского лингвиста X. Станга «*Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen*» [Stang 1972] была избрана для анализа потому, что она содержит наиболее подробное обоснование списка славяно-германских лексических изогloss. С момента выхода работы X. Станга в свет, насколько нам известно, не появилось кардинально новых оценок в этой области. Книга X. Станга посвящена анализу сепаратных балто-славяно-германских схождений. Работа не ставит цели рассмотреть все когда-либо предлагавшиеся сближения; автор стремится выбрать из них лишь наиболее надежные. Всего в рассмотрение включены 188 этимологий; их них 66 — балто-германские; 68 — балто-славяно-германские и лишь 54 — славяно-германские. Среди славяно-германских сближений некоторые представляются нам ненадежными по семантическим причинам или имеют настолько общую семантику, что не могут (в силу большой вероятности случайного совпадения) служить доказательством чего бы то ни было. Таковы (в данный список не включены слова, помеченные X. Стангом как сомнительные, в том случае, если сомнения X. Станга представляются достаточно обоснованными):

БЫСТРЫЙ: рус. *быстрый* — др.-исл. *bysja* ‘mit grosser Gewalt ausströmen’ и т. д., — значение ‘быстрый’ отсутствует в германском, значения, представленные в германском, не встречаются в славянском.

Сомнит.
герм. л.

ВАБИТЬ: старосл. *вабити* ‘привлекать, манить’, рус. *вабить* ‘манить, звать птицу на охоте’, сербск. *vábiti* ‘манить’, *váb* ‘приманка’, словенск. *vabiti* ‘манить’, *vab* ‘приманка’, польск. *wabić* ‘манить; давать кличку’ — гот. *worþjan* ‘laut rufen, ausrufen’, *at-* ‘herbeirufen’, др.-исл. *æpa* ‘rufen, schreien’, *óp* ‘Ruf, Schrei’, англос. *wēpan* ‘weinen’, др.-сакс. *wōþian*, д.-в.-н. *wuofan* ‘wehklagen’. Несмотря на фонетическое тождество протославянской и протогерманской форм, связь между ними, принимаемая многими этимологами, представляется нам, вслед за В. В. Мартыновым, сомнительной по семантическим причинам: славянское *vabiti*, по-видимому, не является глаголом звукопроизводства и первоначально имело значение ‘заманивать в западню, в неволю’. Нельзя также исключать, что прагерманская форма является заимствованием из славянского *vъpiti* ‘вопить’ [Мартынов 1963, с. 190—191].

ГЛУМИТЬСЯ: рус. *глумиться* — др.-исл. *glaur* ‘Lärm, Getöse, Jubel’ и т. д., — значение ‘насмешка’ отсутствует в германском, значения, представленные в германском, не встречаются в славянском.

ДАВИТЬ: рус. *давить* — гот. *afdauiþs* ‘geplagt, gehetzt’ и т. д., — значения ‘wägen, drücken, pressen’ отсутствуют в германском, значения, представленные в германском, не встречаются в славянском.

ДОЖДЬ: рус. *дождь*, старосл. *дѣждь*, болг. *дъжд*, польск. *deszcz* — норв. *duskregn* ‘мелкий дождь’, норв. (диал.) *dusk* ‘feiner Regen’, швед. *regndusk*, др.-исл. *dust*, ср.-н.-нем. *dust*, норв. *dust* ‘пыль’, — в германском значение скорее ‘пыль’, чем ‘дождь’; развитие значения ‘дождь’ < ‘пыльный’ (прилагательное с суффиксом *-j-*) представляется маловероятным.

КАМЕНЬ: рус. *камень* — д.-в.-н. *hamar* ‘молоток’ и т. д. (по мнению Х. Станга, сепаратное развитие и.-е. **akmen-* ‘камень’ заключается в метатезе двух начальных звуков), — если даже германские формы восходят к и.-е. **akmen-* (что вероятно ввиду греч. ἄκμων ‘наковальня, каменная подставка’), эволюция славянской формы, включающая, во-первых, сепаратное балтославянское развитие **k̃ > *k* (вместо обычной для языков satəm спирагнизации), а во-вторых, сепаратную славяно-германскую (без балтийского, ср. лит. *akmuõ* ‘камень’) метатезу, представляется малореальной.

КОГОТЬ: рус. *коготь*, в.-луж. *kocht* ‘терн, шип’ — д.-в.-н. *hakô* ‘Haken’ и т. д., — значения ‘коготь’ и ‘шип’ отсутствуют в германском, значение ‘крюк’ — в славянском.

[КРОМЫ]: рус. *кромы* ‘ткацкий станок’, *закромить* ‘огородить досками’, укр. *прикромити* ‘унять’, польск. *skromić* ‘приручить, укротить’ — д.-в.-н. *(h)rama* ‘рама, станина’, англос. *hremmian* ‘einegnen, behindern’, — сближение

возможно лишь в том случае, если первично русское значение (и слово не связано с *кромка*).

ЛЕС: старосл. *лѣсъ*, рус. *лес*, польск. *las* 'лес', н.-луж. *lěso* 'лиственный лес', др.-чешск. *les*, мн. ч. *lesy* 'листва, побеги' — англос. *læs*, род. п. *læswe* ж. р. 'выгон, пастбище', — в германском слово имеет ограниченное распространение и не означает 'лес', в то время как для славянского это значение первично.

МАЯТЬСЯ: рус. *маяться*, *маета*, болг. *мая* 'затягиваю, нарушаю' — д.-в.-н. *tiuoen* 'трудиться, стараться', гот. *afmauþs* 'утомленный', — в славянском значение 'мучение', скорее всего, производно от 'колебаться, двигаться туда-сюда' (ср. тот же перенос значения в рус. *мотаться* 'двигаться туда-сюда' — *замотаться/вымотаться* 'измучиться'), которое М. Фасмер относит к другому корню [Фасмер 1986, 2, с. 587], значительно лучше представленному в славянских языках и родственному лит. *móti*, *móju* 'махать', возможно, также др.-инд. *māyā* 'превращение, видение, обман, иллюзия' (ср. значение болг. *омая* 'чарую, одурманиваю' и польск. *majak* 'призрак, (при)видение'). В любом случае это сближение не может быть признано сепаратным германо-славянским ввиду наличия литовской параллели.

ПРЯДАТЬ: рус. *прядать*, сербск. *прѣдати* 'бояться', *прѣнути се* 'воспрянуть; вскочить спросонья' — др.-исл. *spretta*, *spratt* 'пробиваться, лопаться', англ. *sprint* 'рвануться, броситься', ср.-в.-н. *sprenzen* 'рвать; брызгать' — значение настолько размыто, что сближение не может быть признано доказательным.

Некоторые слова имеют параллели в других индоевропейских языках, в том числе в балтийских, отвергаемые автором без достаточных, на наш взгляд, оснований. Эту группу составляют:

(У)БЕДИТЬ: старосл. *бѣдити* 'принуждать' — гот. *baidjan* 'zwingen', др.-исл. *beida* 'um etw. bitten', д.-в.-н. *beitten* 'drängen, fordern' — сюда же, вопреки Стангу, по крайней мере, греч. *πειθω* 'убеждать; (мед.) повиноваться', алб. *be* < и.-е. *bhojdhā* 'клятва, присяга': общее значение 'побуждение — с помощью языковых средств — непременно совершить какое-либо действие' восстанавливается достаточно хорошо; дальнейшее развитие: в славянском и готском — утрата компонента «с помощью языковых средств», в древнеисландском — компонента «непременно», в греческом — добавление компонента «(совершить) по собственной воле» (это же развитие значения наблюдается и в старославянском *оубѣдити*, *оубѣждати*), в албанском — компонента «(побуждение) себя»;

БЛЕДНЫЙ: старосл. *блѣдъ* 'bleich, blass', сербск. *blijed*, слов. *blēd*, польск. *blady* — англос. *blāt* 'blass, bleich', д.-в.-н. *bleiza* 'Blässe' < **bhlojdo-*, — нет необходимости, вопреки Стангу, отделять суффиксальное производное от

этого корня — алб. *bl'edhurë* (< *bledrë) 'blass, bleich' (лит. *bleidnas* 'бледный' заимствовано из славянского [Фасмер 1986, I, с. 173]);

ГЛЯДЕТЬ: старосл. *гладати* 'órǫv', рус. *глядеть*, болг. *гледам*, сербск. *glědati*, слов. *glědati*, чешск. *hleděti*, польск. *glądać* — ср.-в.-н. *glinzen* 'glänzen', *glanz*, норв. (диал.) *gletta* 'gucken', 'einen Blick werfen' (отметим, что как в германском, так и в славянском это не основное слово для данного действия), — Фасмер [Фасмер 1986, I, с. 418] приводит в качестве параллелей лтш. (курземск.) *glendi* 'ищи', *glenst*, *glendēt* 'смотреть, искать', *nuogleñst* 'увидеть, заметить' и ирл. *inglennat* 'vestigant', *atgleinn* 'demonstrat'.

ЖЕВАТЬ: рус. *жевать*, болг. *преживам* (о жвачных животных), сербск.-цслав. *жѡвати*, польск. *żuć* — д.-в.-н. *kiuwan* 'жевать', англос. *ceowan* id., — сюда же, по крайней мере, перс. *jāvidan* и тох. АВ *śwā-* 'есть' [Van Windekens 1976, с. 490].

ЗЕВАТЬ: рус. *зевать*, сербск. *zujěvati*, польск. *ziewać* — д.-в.-н. *giwen* 'зевать', — звук [v] в этом корне присутствует не только в германских и славянских языках, но также в балтийских, ср. лит. *žióvauti*, лтш. *zāvāt* 'зевать', и тохарских, ср. тох. А *śew-* 'зевать' [Van Windekens 1976, с. 479].

КЛЕН: рус. *клён* — др.-исл. *hlynr* 'гж.', — к этому же корню должны быть отнесены, вопреки Х. Стангу, также валл. *celyn*, др.-корн. *kelin*, др.-исл. *cuilenn* 'падуб остролистный', поскольку это растение имеет листья, похожие на кленовые и резко отличающиеся от листьев других растений (заметим, что неизвестно, какое из значений было первичным в индоевропейском: если индоевропейская прародина располагалась на Балканах, то падуб остролистный был индоевропейцам известен; сохранили же название лишь кельты, поскольку в других регионах Европы падуб остролистный не встречается). Макед. *клѣнотрохон* (Феофраст) 'вид клена' может быть протославянским заимствованием (И. Б. Иткин, устное сообщение): *klin-o-* — это **кльнъ* до перехода кратко-го *i* в *ь*. Неясно, как относятся сюда лит. *klėvas* (*kliāvas*), лтш. *kļavs* 'клен'.

КОБЧИК: рус. *кобец*, *кобчик* 'Bienen-, Wespenfalke', болг. *кобѣц*, сербск. *kóbac* 'Sperber' — д.-в.-н. *habuh* 'Habicht', др.-исл. *haukr* (слово проникло и в прибалтийско-финские языки, ср. финск. *haukka* 'ястреб, сокол', вепсск. *habuk* 'ястреб', эстонск. *haugas* 'ястреб'), — сюда же может быть отнесено алб. *shkabë* 'орел, коршун' [Иокль 1923, с. 303 сл.].

ЛГАТЬ: старосл. *лѣгати*, рус. *лгать*, *ложь*, сербск. *lǎgati*, польск. *lgać* — гот. *liugan*, д.-в.-н. *liogan*, — сомнения Х. Станга относительно включения сюда др.-лит. *luginaitę* (*pabuczėwimas*) 'предательский, иудин (поцелуй)' и др.-ирл. род. п. ед. ч. *logaissi* 'mendacii' ('обмана, неправды') представляются необоснованными.

ЛОСЬ: рус. *лось*, чешск. *los*, польск. *łoś* — др.-исл. *elgr* (мн. ч. *-ir*), англос. *eołh*, д.-в.-н. *elaho*, — нет необходимости отделять лат. *alces*, греч. *ἄλκη* 'лось', а также не приведенные Х. Стангом др.-инд. *ṛṣya-* 'самец антилопы'.

памирск. *rus* ‘каменный баран’ [Фасмер 1986, 2, с. 522]: достаточно хорошо восстанавливается и.-е. слово со значением ‘крупный олень’. Наличие индо-иранских данных не позволяет считать греческое и латинское слова заимствованиями из европейских языков.

[МЪНИТЬ]: старосл. мѣнити ‘вспоминать’, слов. *mēniti* ‘полагать, думать’, польск. *mienić* — д.-в.-н. *meinen* ‘думать, полагать’, — вопреки М. Фасмеру [Фасмер 1986, 2, с. 633], нет оснований отделять эти слова от старосл. мьнѣти, рус. (по)мнить, мнение, лит. *minėti* ‘вспоминать, упоминать’, др.-инд. *mānyate* ‘думает, помнит’, лат. *memini* ‘вспоминаю’, *mens* ‘ум’, ирл. *do-moiniur* ‘верю, полагаю’, греч. μνῆσκα ‘вспоминаю’ и т. д.

МНОГО: рус. много, старосл. мѣногъ, сербск. *mnogo*, польск. *mnogi* — гот. *manags* ‘многий’, д.-в.-н. *manag* ‘иной, некоторый’, нем. *Menge* ‘толпа’, — к этому же корню восходит кельтское суффиксальное производное **meneg-ni* ‘частый; частый посетитель, завсегдатай’ (др.-ирл. *menicc*, валл. *munych*, корн. *menough*).

ПАРОМ: рус. паром (диал. пором) ‘Fähre’, болг. *прам*, сербск. *prām*, чешск. *prām*, польск. *prom* — д.-в.-н. *farm* ‘Nachen, Fähre’, др.-исл. *farmr* ‘груз, товар’, — возможно, связано с греч. πορθμός ‘место переправы, пролив; переправа, переезд’ [Фасмер 1986, 3, с. 331—332].

ПЯСТЬ: др.-рус. *пять* ‘кисть руки’, слов. *pěst*, -ī ‘кулак, ладонь, пригоршня’, чешск. *pěst*, польск. *pięść* ‘кулак’ — д.-в.-н. *fīst* ‘кулак’, англос. *fýst* < **funsti* ‘кулак’, — поскольку германские и славянские слова, вероятно, восходят к и.-е. **pṛkʷ-sti* ‘пятерня’, сюда же можно отнести (с неясным характером колебаний *s ~ š*) лит. *kūmštis / kūmštė / kūmstė / kūmščia*, лтш. *kumste* ‘кулак’ с той же метатезой *k-p- < p-k-*, как и в лит. *kèpti*, лтш. *cept* ‘печь’.

СЕРЫЙ: рус. *серый*, болг. (диал.) *сѣр*, др.-чешск. *šěry*, польск. *szary* (< **xoiro*) — др.-исл. *hárr* ‘серый, седой’, англос. *hár*, д.-в.-н. *hēr* ‘достойный, величественный’, — с семантической точки зрения не менее правдоподобным выглядит сближение с ирл. *siag* ‘темный’, которое также может восходить к **k(h)eṛo-*. Славянское ‘серый’ обычно считается родственным ‘седой’, возможно, также *сивый*, *сизый* и *синий* [Фасмер 1986, 3, с. 590]; таким образом, этимология, приводимая Х. Стангом, — лишь одно из многих возможных предположений.

СНОВАТЬ: рус. *снова*, болг. *снова* ‘набираю основу ткани, сную’, чешск. *snouti, snuji, snovati* ‘набирать основу ткани; замышлять’ — др.-исл. *snua* ‘вертеть, мотать, плести’, гот. *sniwan* ‘спешить’, — сюда же лтш. *snaujis* ‘петля’; О. Н. Трубачев возводит эти слова к и.-е. корню со значением ‘вязать, плести’ (вероятно, из жил) [Фасмер 1986, 3, с. 700, статья СНОХА], от которого произошло название шнура — и.-е. **shʰnēu-/n-* (реконструкция принадлежит И. С. Якубовичу, см. [Yakubovich 2000]), вед. *snāvan* ‘лента; мышца; сухожилие’, ав. *snāvarə* ‘сухожилие, шнур’, греч. νεῦρον ‘жила, мускул’, лат. *nervus*

‘жила, сухожилие, струна’; хеттск. *išḫunawar* ‘жила, сухожилие’ [Yakubovich 2000, с. 137], тохарск. В *šlor* ‘тж.’ [Van Windekens 1976, с. 458].

СПОРЫЙ: рус. *спорый*, др.-рус. *споръ* ‘обильный’, словц. *spory*, в.-лужиц. *spory* ‘щедрый, обильный’, чешск. *spořiti* ‘sparen’ — др.-исл. *sparr* ‘бережливый, пощаженный’, д.-в.-н. *spar* ‘sparsam’, англос. *sparian*; — сюда же, по М. Фасмеру [Фасмер 1986, 3, с. 738], др.-инд. *sphirā* ‘тучный, обильный, богатый’, арм. *p‘art‘am* ‘обильный’. Все эти слова производны от глагола и.-е. **sp(h)ei-* ‘спеть’ (лит. *spėti, spėju* ‘поспевать, иметь время, досуг, быть в состоянии’, др.-инд. *sphāyate* ‘процветает, тучнеет’ и т. д.)

СТРОГАТЬ: рус. *строгать, стругать*, старосл. *стръгати*, польск. *strugać* — др.-исл. *strjúka* ‘гладить, стирать, проводить’, вост.-фриз. *strók* ‘полоса’, — если данные значения вообще можно признать сопоставимыми, то сюда же следует отнести и лтш. *strūgašns* ‘streifig’ (см. [Фасмер 1986, 3, с. 779]).

ТРУД: др.-рус. *трудъ* ‘труд, работа, рвение, забота, страдание, скорбь’, старосл. *трудоу* ‘πόνος, ἄγων’, болг. *труд*, польск. *trud* — гот. *us-priutan* ‘отягощать’, др.-исл. *braut* ‘испытание, беда, искушение’, англос. *bréotan* ‘утомляться’ — значения достаточно сильно расходятся; не исключено, что сюда же можно отнести и лат. *trūdō* ‘толкать, понуждать’, а возможно, и лтш. *traids* ‘хрупкий’ (см. [Фасмер 1986, 4, с. 108]).

[ЧЕМЕР]: др.-рус. *чемеръ* ‘яд’, *чемеръ* ‘чемерица’, рус. *чeмep* ‘головная боль, боль в животе, пояснице; болезнь лошадей’, *чeмepá* ‘одуряющий табак из багуна’, *чeмepицa*, укр. *чeмip* ‘спазм живота’, *чeмepиця* ‘чемерица’, *чeмepнiк*, *чeмepyxа*, *чeмep* ‘лошадиная болезнь’, белор. *чeмep* ‘тж.’, болг. *чeмep* ‘яд’, *чeмepигa*, *чeмepиkа* ‘чемерица’, сербск. *чeмep* ‘яд, гнев, скорбь’, *чeмepан* ‘ядовитый, горький, терпкий, несчастный’, слов. *čemer* ‘яд, желчь, гной, гнев’, *čemerika* ‘чемерица’, чешск. *čemer* ‘сыпь’, *čemeřice* ‘чемерица’, словц. *čemer* ‘опухоль, сгусток крови’, *čemerica* ‘чемерица’, др.-польск. *czemier*, *czemierzycа*, польск. *ciemierzycа*, в.-луж. *čemjerica* ‘чемерица’ — д.-в.-н. *hemera*, нов.-в.-н. диал. *Hemern* ‘чемерица’, — сюда же отсутствующие у Х. Станга лтш. *cemerinš* ‘чемерица’ и, возможно, лит. *kemeras* ‘посконник’ (растение) (ср. [Фасмер 1986, 4, с. 331]).

Не имеют индоевропейских соответствий, но имеют параллели в других ностратических языках:

ГОЛЫЙ: старосл. *голь* ‘нагой’, рус. *голый*, польск. *goły* — д.-в.-н. *kalo* ‘лысый’, англос. *calu*, — даже если не относить к этому же корню лтш. *gāls* ‘Eisglatt’, то можно привести такие параллели за пределами индоевропейской семьи, как уральск. **kal’l* ‘пленка, кожа; голый, гладкий’ (фин. *kalju, kalja, kalea* ‘гладкий, скользкий, лысый’, ? мокша-морд. *kalyš* ‘голый, лысый’), алт. **kal* ‘лысый, голый’ (тюрк. **Kal-ka* ‘лысый’, монг. письм. *qal-tar* ‘голый, лысый’) [Иллич-Свитыч 1971, с. 289].

СИЯТЬ: старосл. **сияти** ‘сиять’, рус. *сиять*, сербск. *sjāti*, сербск.-цслав. *sinuti* — гот. *skeinan* ‘leuchten, scheinen’, англос. *scīnan*, д.-в.-н., др.-сакс. *skīnan* (мы согласны с мнением Х. Станга, согласно которому слово ‘тень’ — греч. *σκιά* и т. д. — к данному корню не имеет отношения по семантическим причинам), — индоевропейский корень восходит к ностратическому **čājha* ‘мерцать’, ср. уральск.: сев.-саам. *čaje-ti* ‘показывать, выглядеть’ (с тем же развитием семантики, что и нем. *scheinen*), удмуртск. *šij-al* ‘блестеть, мерцать’, морд. *sija* ‘серебро’; дравидийск.: тамильск. *cāj* ‘блеск, свет’ и т. д.; семитохамитск.: арабск. *šhw/šhj* ‘быть безоблачным, ясным’, сокотри *sjh* ‘светить, освещать’ и т. д. [Иллич-Свитыч 1971, с. 199].

Более похожи не на сепаратные схождения, а на заимствования из германского в славянский слова:

ГРОТ: рус. *grot* ‘метательное копьё, дротик’ (устар.), чешск. *hrot*, польск. *grot* ‘стрела; наконечник, острие’ — ср.-в.-н. *grāt* ‘рыбья кость, острие’, нов.-в.-н. *Grat, Gräte* ‘тж.’, — слово, по всей вероятности, этимологически одно и то же, но соотношение значений делает более вероятной гипотезу о заимствовании славянами германского слова в качестве обозначения оружия.

ЛЕСТЬ: старосл. **лъсть** ‘List, Trug’, рус. *лесть* ‘Schmeichelei, List, Trug, Fälschung’, сербск. *lāst*, чешск. *lest*, др.-польск. *leśc* — гот. *lists* ‘List’, д.-в.-н., др.-сакс., англос., др.-исл. *list* (в германском слово, по-видимому, является производным от глагола гот. *lais, laisjan*, д.-в.-н. *lēren, lirnēn*, в славянском же является морфологически нечленимым). Этой же точки зрения придерживаются, в частности, М. Фасмер [Фасмер 1986, 2, с. 487] и В. В. Мартынов [Мартынов 1963, с. 48—50].

Представляются сомнительными в силу ограниченности распространения:

[ОБРЪЗГНУТЬ]: рус.-цслав. **обръзгнѹти** ‘скиснуть’, чешск. *břesk* ‘терпкий вкус’, польск. *brzazg* ‘неприятный, терпкий вкус’ — норв. (диал.) *briskēn* ‘горький, терпкий’, *briskna, bresna* ‘скиснуть’.

СТОГ: рус. *стог*, болг. *стог*, сербск. *стѡг*, польск. *stóg* ‘стог’ — др.-исл. *stakkr* ‘стог’ (причина удвоения *k* неясна)³.

Некоторые слова имеют в германском и славянском общий корень, но различные суффиксы, или различаются по ступени аблаута:

БОРОВ: рус. *боров*, болг. *брав* ‘кастрированный кабан, боров’, сербск. *брѣв* ‘овцы’, слов. *brāv*, чешск. *brav* ‘(мелкий) скот’, слов. *brav* ‘боров’, польск.

³ Следует заметить, что в древнескандинавском языке удвоение заднеязычных смычных *k, g* в краткосложных корнях было достаточно регулярной тенденцией. Однако вероятность фонетического развития *stak + r > stak: + r* не может доказать, что др.-исл. *stak(k) + r* непременно восходит к тому же этиму, что славянское (рус., болг. и т. д.) *стог*.

browek 'откормленный кабан' — д.-в.-н. *barug*, *barh* 'verschnittenes Schwein', др.-исл. *bqrgr*, англос. *bearh*, *bearg*, совр. нем. *Borch*, — в германском, как отмечает Х. Станг, к основе **bhoru-* добавлен суффикс *-ko-*; обсуждение различных аспектов проблемы см. в [Мартынов 1963, с. 80—82].

КРУГ: слав. **krōgъ* 'круг' — др.-исл. *hringr*, англос., д.-в.-н. *hring* 'кольцо', — эти слова явно восходят к одному этимону, но демонстрируют различные ступени аблаута; поэтому более вероятным представляется то, что они независимо унаследованы от и.-е. **krengo-* (с чередованием *e ~ o* в парадигме), чем то, что они являются продолжениями некоторого слова, возникшего в германо-славянском диалектном ареале, или заимствованиями.

ЛЕБЕДЬ: рус. *лебедь*, укр. *лебідь*, болг. *лебед*, польск. *labędź*, слов. *labôd*, слов. (диал.) *lebéd*, сербск. *lăbūd*, чешск. *labuť* — д.-в.-н. *albiz*, *elbiz*, др.-исл. *olptr*, — в славянском суффикс с носовым, в германском — без носового.

МЕЛЬ: рус. *мель*, польск. *miel* 'мель' — др.-исл. *melr* 'отмель', шв. (диал.) *mjäg* < **mjalg* 'Sandhügel, hohes Flussufer', — германские формы, в отличие от славянских, как справедливо отмечает Х. Станг, восходят к **melha-* / **melga-*. В свою очередь, славянские формы традиционно рассматриваются как синхронное производное от *мѣлкий* (< *мѣлъкъ*), которое имеет гораздо меньше общего с германским.

МОЛНИЯ: рус. *молния* — др.-исл. *Mjöllnir* 'молот Тора, молния' и т. д., — разные ступени аблаута: германские формы восходят к **meln-*, славянские — к **mľn-*, сам же корень представлен и в других индоевропейских языках, ср. лат. *malleus* 'молот, колотушка', валл. *mellt* 'молния', др.-прусс. *mealde* 'тж.', хетт. *malatti* 'боевое оружие'.

РЕБРО: рус. *ребро*, сербск. *рёбро* и т. д. 'тж.' — д.-в.-н. *ribbi*, *rippi* 'ребро', др.-исл. *rif* ср. р. 'ребро', — в славянском имеется суффикс *-p-*.

Таким образом, остаются следующие надежные славяно-германские сближения:

1) БОР: цслав. *боръ* (Pl. *бороуѣ*) 'сосна', рус. *бор*, польск. *bór* (Lok. и *boru*) — др.-исл. *bqrr* (Dat. *bqrvi*) 'Baum' (поэт.), англос. *bearu* (Gen. *bear[wes]*) 'Wald', д.-в.-н. *baro* 'Hain, Wald'. И в славянском, и в германском представлена *u*-основа [Stang 1972, с. 15]. Относимое сюда М. Фасмером [Фасмер 1986, I, с. 193] др.-инд. *bhr̥ṣti-* 'острие' следует отвергнуть по семантическим причинам. См., однако, интересные аргументы в пользу заимствования праславянского **borъ* в германский у В. В. Мартынова [Мартынов 1963, с. 108—112].

2) ГНЕСТИ: старосл. *гнѣсти* (гнѣтж), рус. *гнести* (*гнету*), слов. *gnětem* 'мять, давить', др.-чешск. *hnetu*, польск. *gnieść* (*gniotę*) — д.-в.-н. *knetan* 'давить, мять', др.-исл. *knōða* (слаб. глаг.) 'kneten'.

3) [ГНЯВИТИ]: сербск. *gnjáviti* 'drücken', слов. *gnjáviti* 'drücken, knällen, wärgen', чешск. (диал.) *gňávit*, *gňábit* — др.-исл. *knýja* (praet. *kníða*, *knýða*)

‘klemmen, drücken, stossen, schlagen, treiben’, англос. *cnūwian* ‘drücken, langsam kauen’, *cnéowian* ‘beschlafen’.

4) [ЖЕЛЕСТИ]: старосл. *жлѣсти* (жлѣдж), *жласти* ‘abzahlen, vergelten’, др.-рус. *желести* (*желеду*) ‘платить, искупать вину’ — гот. *fragildan* ‘отплатить, вознаградить’, д.-в.-н. *geltan* ‘уплачивать’, др.-исл. *gjalda* ‘отплатить’ (термин из области имущественных отношений).

5) [ЛУТ]: рус. диал. *лут* ‘лыко, кора липы’, *лутье* ‘молодой липовый лес, пригодный для дранья лыка’, укр. *луття* ср. р. ‘ивовые ветки, липовое лыко’, белор. *лут* ‘молоденькая липа, кора с нее’, польск. *łęt* ‘прут, хлыст’ — др.-исл. *lind* ‘липа’, д.-в.-н. *linte* ‘липа, щит’, — вероятно, первоначальным значением этого корня было ‘(гибкая) часть дерева, используемая для хозяйственных нужд’, ср. относимые сюда же М. Фасмером [Фасмер 2, с. 536] лит. *lentà* ‘доска’ и алб. *landë* ‘строевой лес’, но значение ‘липа’, действительно, встречается лишь в германском и славянском.

6) [ПРУГ]: старосл. *прѣгъ* ‘*ἀκρίς*’, др.-рус. *пругъ* ‘саранча’ — ср.-н.-н. *spranke*, *sprinke* ‘саранча’, д.-в.-н. *houuespranca* ‘саранча’ (букв. ‘прыгающая по сему’), ср.-н.-н. *sprenger* ‘саранча’, — корень со значением ‘прыгать’ известен и за пределами славянских и германских языков, ср. тох. В *pruk-* (< и.-е. *prug-*) ‘прыгать’, но образование с носовым в корне со значением ‘саранча’ нигде, за исключением славянских и германских языков, не встречается. В пользу того, что слав. **prǫgъ* не является заимствованием из германского, свидетельствует отсутствие в славянском начального *s*. Впрочем, возможно, что славянские и германские слова являются не этимологическими соответствиями, а параллельными образованиями от глагола (глаголов? — ср. различия в вокализме: герм. **i* < **e*, слав. **y* < **ī*) со значением ‘прыгать’, ср. болг. *скакалец* ‘саранча’, англ. *grasshopper* (букв. ‘травяной прыгун’) ‘кузнечик, саранча’, нем. *Grashüpfer* (разг.) ‘кузнечик’.

7) СОЛОВЫЙ: рус. *соловый*, рус.-цслав. *слагоочне* (= *сѣроочне*) — д.-в.-н. *salo*, *salowēr* ‘dunkelfarbig, trübe’, англос. *salu*, англ. *sallow*, др.-исл. *sq̄lr* ‘schmutzig, bleich (poet.)’ (прусс. *salowis* ‘соловей’, приводимое М. Фасмером в качестве соответствия, см. [Фасмер 1986, 3, с. 711], скорее заимствовано из восточнославянского после развития полногласия).

8) СТАДО: старосл. *стадо*, рус. *стадо*, сербск. *stādo*, чешск. *stādo*, польск. *stado* — др.-исл. *stóð* ‘Stutenherde’, англос. *stód* ‘Pferdeherde’, д.-в.-н. *stuõt* ‘тж.’, — вопреки М. Фасмеру [Фасмер 1986, 2, с. 743], сюда не может быть отнесено лит. *stodas*, лтш. *stāds* ‘саженец, растение’. В то же время нельзя исключать этимологизацию данной лексики на собственно-германской почве и, соответственно, заимствование из германского в славянский [Мартынов 1963, с. 53—55].

9) СТЕНА: рус. *стена*, старосл. *стѣна* ‘стена, скала’, сербск. *стужена* ‘скала, камень’, польск. *ściana* — гот. *stains*, др.-исл. *steinn*, д.-в.-н. *stein* ‘камень’, — в славянском, видимо, первично значение ‘скала’.

10) СТРОП(ила): старосл. стропъ 'Zimmerdecke', рус. *строп* 'Zimmerdecke, Dach, Dachboden', слов. *strop*, польск. *strop* — др.-исл. *hróf* 'Dach: Boothaus', англос. *hróf* 'Dach', англ. *roof* 'крыша' (этимология возможна, если слав. формы восходят к **k'rVp-*; качество гласного не вполне ясно, так как слав. **o* < **ǣ*, **ǫ*, тогда как германское **o* < **ā*, **ō*).

11) [СЯДРА]: сербск. *sědra* 'известковый натек', чешск. *sádra* 'гипс', слов. *sadra* 'тж.' — др.-исл. *sindr* 'натек, шлак', д.-в.-н. *sintar*, ср.-в.-н. *sinter* 'окалина, натек', англос. *sinder*. По-видимому, слово представляет собой старый технический термин.

12) ЧУП: рус. диал. *чун* (вятск. тж. 'сорная трава') и сербск. *чўна* 'пучок волос', но тж. рус. *чуб*, укр., белор. *чуб*, чешск., слов. *čub* 'хохол у птицы', польск. *czub* 'хохол, вихор' — др.-исл. *skúfr* 'махор, пучок', д.-в.-н. *scoub* 'сноп, связка соломы', ср.-в.-н. *schoup*, нов.-в.-нем. *Schaub* 'связка, пучок соломы, клок'. В германском также можно усматривать следы колебания *b* ~ *p*, ср. такие формы, как гот. *skuft* ср. р. 'волосы на голове', ср.-в.-н. *schopf* 'чуб, вихор'⁴. Сближение можно считать надежным; интересно, однако, что в славянском, в отличие от германского просматриваются рефлексy *r-*: *чуприна* 'чуб', укр. *чуприна*, белор. *чупрына* тж. (ср. *зуб* — *зазубрина*, *дуб* — *дубрава*), явно достаточно древнего.

Итого 12 надежных изоглосс.

А также, возможно,

13) (раз)БУХНУТЬ: рус. *бухнуть*, слов. *būchnem*, *būhniti* 'anschwellen, sich aufblasen', кашубск. *bucha* 'Stolz' — ср.-н.-н. *būs* 'Aufgeblasenheit, schwellende Fülle', *būsen* 'schwellen', норв. (диал.) *baus* 'stolz, ungestüm, hitzig'.

К списку надежных сближений можно добавить:

МОЩЬ: др.-рус. *мочь*, старосл. *моць* 'ισχυς, δύναμις', сербск. *mōh*, польск. *moć* — гот. *mahts* 'мощь, сила', д.-в.-н. *maht* 'тж.' — корень представлен также в балтийском (лтш. *mēgt* 'мочь, иметь обыкновение') и, возможно, в греческом (если относить сюда *μηχανή* 'орудие', см. [Фасмер 1986, 2, с. 635]), но производное на *-t-* присутствует лишь в германском и славянском.

Не вполне ясны следующие случаи:

БОЛЬ: старосл. *бѡль* м. р. 'больной', рус. *боль*, сербск. *bōl* м. р. — слов. *bōl* м. р. — д.-в.-н. *balo* 'пагуба, зло', др.-исл. *bql*, 'Shaden, Unglück', англос. *bealu*,

⁴ Однако в самих древнегерманских языках в слогоконечных кластерах типа *b*, *g*, + *t* звонкие смычные и спиранты закономерно оглушались; в результате ассимиляции в данной позиции возникали глухие спиранты [f], [x], поэтому предположение об исконном характере *p* в гот. *skuft*, // др.-исл. *skopt* [...-ft] необязательно. Более интересно ср.-в.-н. *schopf*, если оно восходит к **skūp-t*, но и здесь можно предполагать оглушение до стадии глухого смычного **skūb-t* > **skūp-t* незадолго до древневерхнемецкого передвижения *p(t)* > *pʃ(t)*.

гот. *balwawesei* ‘злость’, *balwjan* ‘мучить’, — значение чего-то нехорошего. вредного является слишком общим⁵ и поэтому не может служить весомым аргументом в пользу признания сепаратных германо-славянских связей; кроме того, в принципе не исключено и заимствование из славянского в германский [Мартынов 1963, с. 195—198].

ВЁДРО: старосл. **вѣдро** ‘хорошая погода’, **вѣдръ** ‘ясный’, рус. *вѣдро*, болг. *вѣдър* ‘ясный’ — сербск. *vědar* ‘ясный’, слов. *vědar* ‘веселый’, чешск. *vedro* ‘жара’ — д.-в.-н. *wetar* ‘погода’, др.-сакс. *wedar* ‘Wetter, Sturm’, др.-исл. *vedr* ‘Wind, Luft, Windrichtung, Wetter’ (первое значение, видимо, ‘погода’, дальнейшее развитие: в славянских — по пути ‘хорошая погода’ → ‘ясный’ или ‘жара’, в германских языках — по пути ‘плохая погода’ → ‘буря’ или ‘ветер’). Все же история данного слова вызывает некоторые сомнения: особенности индоевропейской морфологии заставляют предполагать в нем наличие *r*-ового суффикса, в связи с чем заслуживает внимания гипотеза В. В. Мартынова о связи прагерм. **wedra* с индоевропейским названием года (греч. (F)έτος, др.-инд. *vatsarā*) и, соответственно, заимствовании из германского в славянский [Мартынов 1963, с. 56—58].

БЕХА: рус. *веха*, ‘Ackerpfahl, Strohwischtange; Signalstange’, обычно ‘lange Stange mit einem Bündel Stroh daran’, др.-чешск. *viech*, чешск. *vich* ‘соломенный жгут’, слов. *věha* ‘ботва’, польск. *wiecha* ‘метелка’ — др.-исл. *visir* ‘Knospe, Keim, Spitze eines Gewächses’, норв. (диал.) *vise* ‘метелка, Büchsel’; норв. *visk* ‘Wisch, Bündel’, д.-в.-н. *wisc* ‘пучок, соломенный жгут’, нем. *Wisch*; др.-исл. *visk* ‘вязанка соломы, камыша’, — значительную трудность представляет отделение этих слов от ряда других, имеющих близкое значение и восходящих к похожим праформам, ср., например, лит. *viksvā* ‘осока’, сербск. *виши* ‘длинная болотная трава’, возможно тж. лат. *virga* ‘ветка, прут, розга’ и т. д. (подробнее см. [Минлос 2001]).

ВЕЩЬ: старосл. **вѣщь** ‘вещь, материя’, рус. *вещь*, чешск. *věc*, болг. *вещ* — гот. *waihts* f. ‘Ding, Sache’, *ni waiht(s)* ‘nicht’, др.-исл. *vættr* f. ‘Wesen, Wicht, Geschöpf; Geist, Gott, Göttin, Ding, Sache’, *vættki* ‘nichts’, англос. *wiht* f. ‘Wesen, Dämon, Sache’, др.-сакс. *wiht* m. ‘Wesen’, д.-в.-н. *wiht* m., n. ‘Wesen, Dämon, Ding’, — впрочем, в славянском значение уже, так что можно предполагать заимствование из германского в одном из значений, на чем настаивает, в частности, В. В. Мартынов [Мартынов 1963, с. 76—79].

[(ОУ)ГЛБѢТИ]: цслав. (оу)гльбѣти ‘stecken bleiben’, рус.-цслав. оуглѣблѣвати ‘infingere’, др.-слов. *zagoľbniti* ‘stecken bleiben’, др.-польск. *uglnąć*

⁵ Для древнегерманского **balo* прослеживается инвариантное значение ‘активное зло’, ‘нечто вредоносное’. Описания славянского **boľь*, направленные на выявление в нем того же концепта, нам неизвестны.

‘infigi’ — д.-в.-н. *klēben* ‘kleben an’, англос. *clifian*, *cleofian* ‘festhängen’, д.-в.-н. *klīban* ‘kleben, festhängen’, др.-исл. *klifa* ‘klimmen, klettern’ (Х. Станг считает эту этимологию не вполне убедительной по семантическим причинам).

ДРИСТАТЬ: рус. *дристать* ‘Durchfall haben’, *дрист* ‘Durchfall’: болг. *дриска*, сербск. *driskati* — др.-исл. *drita* ‘cacare’, англос. *dritan* (в славянском, видимо, **drid-t-t-* с последующим переразложением и чередованием *st/sk*). Финаль неясна. Сюда же может относиться (с метатезой) лит. *tridė*, *trieda* ‘понос’ [Бернекер 1913, с. 224].

[ЛОУДЪ]: болг. *луд* ‘безумный’, сербск. *луд* ‘сумасшедший, слабоумный, глупый’, *lūdi se* ‘sich dumm stellen’, польск. *łudzić* ‘täuschen, trügen, blenden, locken’ — гот. *liuts* ‘лицемерный, ханжеский’, *liutai* ‘фигляры, мошенники’, *ushuton* ‘irre führen’, англос. *lot* ‘Betrug’, д.-в.-н. *lioz* ‘lügenrisch’.

МОЛЬ: рус. *моль*, болг. *молец*, чешск. *mol* — гот. *malō*, др.-исл. *mōlr* ‘моль’, — в славянском слово относится к *i*-склонению, в германском — к *u*-склонению (но ср. такое же соотношение типов склонения между слав. **bolъ* и герм. **balu-*).

СНОП: старосл. *снопъ*, рус. *сноп*, сербск. *снѡп*, чешск., польск. *snop* — д.-в.-н. *snuaba* ‘повязка’, *snuobili* ср. р. ‘цепочка’, — сюда же может быть отнесено лат. *napurae* мн. ч. ‘Strohseile’ (если оно существует).

(за)СТЕГНУТЬ: рус. *застегнуть*, ц.-слав. *застога* ‘застежка’, *остежь* ‘χαλμός’, чешск. *přistehnouti* ‘пристегнуть’, польск. *ścieg* ‘стежок’ — гот. *stakins* вин. п. мн. ч. ‘отігмата’, д.-в.-н. *stahhula* ‘жало, шип’, *stehen* ‘колоть’, — значения ‘застежка’, ‘одежда’, ‘застегивать’ отсутствуют в германском, значения ‘колоть’, ‘колючка’ и т. п. — в славянском; неясными остаются отношения между этими корнями (по Х. Стангу, **steg-* / **stog-*) и **stig-* ‘колоть; колючий, острый’ (др.-инд. *tigmás* ‘острый’, греч. *στίζω* ‘колю, татуирую’, д.-в.-н. *stih* ‘укол’ и т. д.).

[ЩИРЫЙ]: рус. *щирый* ‘истинный, подлинный, прямой, откровенный’, укр. *щирий* ‘настоящий, правдивый, прилежный’, чешск. *čirý* ‘чистый’, словц. *čirý*, польск. *szczery* ‘чистый, искренний’ — гот. *skeirs* ‘ясный, явный’, др.-исл. *skirr* ‘чистый, ясный’, ср.-в.-н. *schīr*, — сближение представляется вероятным: греч. σκίρον ‘белый зонт от солнца’ и алб. *hir* ‘милость божья’, даже если восходят к тому же корню, в отличие от славянских и германских слов, не являются прилагательными и далеко отстоят по значению.

Одна из этимологий, включенных Х. Стангом в число балто-славяно-германских, является скорее славяно-германской:

КЛАСТЬ: старосл. *класти* ‘legen, laden’, рус. *класть* (кладу), сербск. *klàsti* (*klādēm*), чешск. *klasti* (*kladu*), польск. *klásć* (*kladę*) — гот. *aflapan* ‘beladen’. д.-в.-н., др.-сакс., англос. *hladan* ‘laden’ (лит. *klóti*, *klója* ‘стелить, накрывать’, вопреки мнению Х. Станга, едва ли может быть включено сюда в качестве сбли-

жения, поскольку не содержит корневого *d*; ср., впрочем, лит. *sálti* 'становиться сладким' : *saldūs* 'сладкий').

Общее количество надежных германо-славянских сепаратных схождения невелико. Оно едва ли больше, чем между любыми двумя праязыками — потомками праиндоевропейского, — и число их с развитием индоевропеистики (прогрессом албанской этимологии, появлением новых анатолийских или тохарских данных, практически не учтенных в работе Х. Станга, и т. п.) может только уменьшаться. В то же время большое количество славизмов в германском и германизмов в славянском, данные археологии и этнической истории свидетельствуют о длительных и интенсивных славяно-германских контактах. Отсутствие же большого количества сепаратных схождения, демонстрирующих индоевропейские соответствия, говорит о том, что эти контакты происходили после длительного независимого развития как прагерманского, так и праславянского языков.

2. Фонологические системы славянских и германских языков: типологические параллели и контактное взаимодействие

2.1. Палатализация. Одним из важнейших комбинаторных изменений, произошедших в истории славянских языков, является палатализация. Этот процесс происходил неоднократно, затрагивая как заднеязычный, так и другие ряды. Принято отдельно выделять I, II и III палатализации, а также корреляцию мягкости. I (йотовая) палатализация была вызвана смягчением задне- и переднеязычных согласных перед йотом и последующей ассимиляцией йота. Заднеязычные претерпевали подобные изменения не только перед йотом, но и перед всеми гласными переднего ряда. II (вторичная) палатализация заключалась в палатализации заднеязычных перед новообразованными гласными переднего ряда, образовавшимися в результате монофтонгизации дифтонгов. III палатализация в отличие от двух предыдущих являлась прогрессивной. Корреляция мягкости присуща в той или иной степени всем славянским языкам, наибольшее развитие она получила в русском языке, наименьшее — в словенском и сербохорватском. Данная корреляция основана на противопоставлении палатальных и непалатальных согласных фонем и сопровождается смягчением согласных перед исконными гласными переднего ряда.

Аналогичные явления происходили и в германских языках. Во многих из них происходила ассимиляция йота предыдущим согласным. Это явление было названо *j*-геминацией, и особенно интенсивно оно происходило в западногерманских языках в дописьменную эпоху. Следует отметить, что шумные удлинялись не только перед *j*, но и перед *l*, *n*, *r*, *m*, что позволяет считать *j*-геминацию частным случаем удлинения перед сонорными, (см. [СГГЯ,

с. 65—69]; *j* отпадал после удлинённого согласного в древнеанглийском, древнефризском и древневерхненемецком. Однако в ранних древневерхненемецких памятниках sporadически встречаются формы с *j*, о чем свидетельствуют написания *minnea*, *sippea*, *enteon* наряду с более обычными *minna* 'родня', *sippa* 'любовь', *enton* 'кончать', см. [Braune 1955, с. 113]. В древнесаксонском *j* не отпадал. В древнеанглийском и древнефризском произошла фонологизация различия между палатализованными и непалатализованными аллофонами заднеязычных, что привело к возникновению новых фонем /с/, /dz/ (последняя фонема существовала только в древнефризском). По-видимому, на определенном этапе истории в древнеанглийском существовало фонологическое различие между старым *ll* и *ll* < **lj*. Это видно из правил веларизации переднеязычных гласных, которая действовала перед *ll*, если эта гемината не происходила из сочетания **lj*, см. [Смирницкий 1955, с. 118]. Фонема /с/ резко увеличила свою частотность в результате появления многочисленных заимствований из старофранцузского с фонемой /с/, обозначавшейся через диграф *ch*. После этого фонема /с/ в древнеанглийском стала обозначаться отдельной графемой — *ch*, тогда как до норманского влияния /к/ и /с/ на письме не различались. (Однако в английском руническом алфавите для палатального /с/ существовала отдельная руна.)

В северогерманском ареале йотация развивалась по другому сценарию. В отличие от западногерманских языков, в скандинавских *j*, также как и *w*, в ряде позиций относился не к сонорным, а к шумным. Такой вывод мы можем сделать на материале затвердения образовавшейся по закону Хольцмана геминаты **-jj-* > *gg*' (в древнеисландской графике — *ggj*), что полностью аналогично затвердению других звонких щелевых, произошедшему еще в прагерманскую эпоху: **bb*, **dd*, **gg* > *bb*, *dd*, *gg*, см. [СГГЯ, с. 46.] Таким образом, в праскандинавском уже существовала по крайней мере одна палатальная фонема, а именно /г'/ . Релевантность признака палатальности благоприятствовала палатализации гуттуральных во всех древнескандинавских языках в позиции перед гласными переднего ряда и *j*. *J*-геминация в праскандинавском наступала лишь в сочетаниях *gj* и — нерегулярно — *kj*: дисл. *leggja* 'класть' < **lagjan*, *hyggja* 'думать' < **hugjan*, *lykkja* 'замок' при *lok* 'замок', *knækkjan* 'разламывать' при дшвед. *knaka* 'разламывать', *rek(k)ja* 'постель' < **rakjan*, *þekja* 'молчать' < **þakjan*, см. [Noreen 1923, с. 203—204]. Отпадение *j* после долгих слогов привело к фонологизации противопоставления /к/ : /к'/: *merkja* 'замечать', /*merk*'a/ < **markjan*, но *orka* 'сила', /*orka*/ < **urko*. Противопоставление палатальных и заднеязычных в его новом виде нейтрализовывалось в пользу последних в позиции перед согласным и концом слова: gen. sg. *bekkjar* — nom. sg. *bekkr*, acc. sg. *bekk* 'скамья', inf. *merkja* — praet. *merkti* 'замечать'. Поэтому корректнее было бы говорить о палатализованных задне-

язычных в праскандинавском, а не об отдельном ряде палатальных. Никаких следов корреляции палатализации, обусловленной йотом, в других рядах не обнаружено. Тем не менее заметим, что в праскандинавском нейтрализовывалась оппозиция $Cj : C > C$ в тех же позициях, где нейтрализовывалась корреляция палатализации, ср. inf. *skilja* 'понимать' — 1 sg. pres. *skil*, 2, 3 sg. pres. *skilr*. (О палатальных сонорных в скандинавских диалектах см. ниже.)

Таким образом, йотовая ассимиляция либо вообще не приводила к появлению палатальных фонем, как в древневерхненемецком и древнесаксонском, либо они возникали при уже существующих палатальных фонемах, как в праскандинавском, либо палатализация захватывала лишь гуттуральный ряд, как это случилось в древнеанглийском, а впоследствии и в древнефризском. Если абстрагироваться от данных древнеанглийского, фонологическая система которого характеризовалась целым рядом особенностей и носила явно периферийный характер, материал остальных древнегерманских языков показывает инертность по отношению к йотовой палатализации. Это можно объяснить лишь тем, что фонема /j/, как правило, не вызывала появления палатального аллофона у предыдущего согласного. Наоборот, в праславянском палатальные аллофоны появлялись у всех передне- и заднеязычных фонем.

Согласно 4-му из положений диахронической фонологии, сформулированных М. И. Стеблиным-Каменским, «при ассимиляции по определенному признаку ассимилируется та фонема, для которой данный признак иррелевантен, и наоборот», см. [Стеблин-Каменский 1966, с. 23]⁶. Данное положение вызвало критику со стороны В. К. Журавлева, указавшего, что ассимиляция может происходить и по признаку, релевантному для ассимилируемой фонемы, ср. рус. *собирать* — [зб]ор, *разорвать* — ра[сн]устить, см. [Журавлев 1986, с. 66]. Однако идея самого В. К. Журавлева о том, что «на месте ассимиляции должно выступать фонологическое понятие нейтрализации», не отвечает на поставленный вопрос, поскольку ассимиляция иногда не свидетельствует о нейтрализации какой-либо оппозиции, а именно в тех случаях, когда ассимиляция происходит по признаку, иррелевантному для ассимилируемой фонемы, ср. швед. диал. *rt > rʈ* при отсутствии фонемы /ʈ/. В данном случае о нейтрализации речь может идти лишь после появления оппозиции /t/ : /ʈ/, таким образом, нейтрализация является следствием ассимилятивных процессов,

⁶ На основании данного постулата М. И. Стеблин-Каменский выдвинул оригинальное объяснение причин ассимиляции *rt > rʈ* в шведских и норвежских диалектах. Появление альвеолярного аллофона *ʈ*, обусловленного предыдущим *r*, и его отсутствие в русском *rt* вызвано, согласно автору, тем, что альвеолярность, иррелевантная для русского /r/, релевантна для /t/ в скандинавских диалектах, где оно противопоставлено какуминальному одноударному /t/. [Стеблин-Каменский 1966, Кузьменко 1978, с. 81—82.]

их же первопричину следует искать именно в признаке, по которому происходит ассимиляция.

Ассимиляция может происходить по признаку, лежащему в основе привативной оппозиции (один из членов которой вызывает ассимиляцию у соседней фонемы в синтагматической цепи). Если мы обратимся к вопросу о палатализации, то можем увидеть, что до I палатализации в праславянском уже существовала привативная оппозиция $/*k/ : /*k'/$, см. [Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 112]. Фонема $/*s/$, произошедшая из $/*k'/$, не подвергалась веляризации после *i, u, r, k*, что свидетельствует о том, что на определенном этапе существования праславянского языка в нем существовала оппозиция $/*s/ : /*s'/$, основанная на противопоставлении непалатального согласного палатальному⁷, см. [Бернштейн 1961, с. 154, Ebeling 1963, с. 28]. Релевантность признака палатальности в праславянском и привативность оппозиции палатальности могли создать предпосылки для последующих палатализаций. На этом основании мы рискуем предположить, что признак палатальности в праславянском не возник после йотовой ассимиляции, а сохранился еще с позднеиндоевропейского периода, в то время как в прагерманском, относившемся к языкам группы *kentum*, предпосылок для фронтальной йотовой палатализации не существовало. Данное решение не позволяет решить всех проблем, связанных с объяснением возникновения аллофонов в определенной позиции, — как будет показано ниже, одних внутрисистемных данных может оказаться мало — однако оно указывает на тот максимум, которого может добиться фонолог, изучающий развитие того или иного явления с опорой лишь на внутреннюю реконструкцию.

Наиболее полное описание палатализации в германских языках дано в работе П. Торссона, см. [Thorsson 1950]. В начале своей статьи автор представляет очерк, посвященный фонетическому объяснению процесса палатализации. Далее читателю предлагается общее описание палатализации в германских языках, которое начинается с обсуждения готского материала. Автор относит интервокальную геминату, обозначавшуюся как *ddj* и относившуюся к рефлексам закона Хольцмана, к палатальным фонемам, отмечая, что следов палатализации у других согласных не обнаружено. Далее описывается палатализация в древнефризском, древнеанглийском и средненижненемецком. П. Торссон приводит убедительные примеры, показывающие, что вторичная палатализация заднеязычных существовала в английском до XIX в., ср. написания *cyan, gyet, begyin* — совр. англ. *can, get, begin*. Затем автор весьма по-

⁷ Возможно, слияние $/*s/$ с $/*s'/$ и $/*z/$ с $/*z'/$ было вызвано затверждением $/*s'/$ и $/*z'/$ в результате появления новых палатальных фонем $/*s'/$ и $/*z'/$, ср. аналогичное затверждение $/š/$ и $/ž/$ в русском без слияния $с /s/$ и $/z/$, см. [Колесов 1980, с. 152].

дробно описывает историю палатализации в скандинавских языках от древнего периода до наших дней. Особое внимание привлекают материалы датских диалектов, где происходила депалатализация, результатом которой явилась реституция непалатальных фонем, ср. ддат. *kjende, gjøre* > дат. *kende, gøre*, ср. также гиперкорректный пример лол. *kæne* из *tjena* ‘служить’ (с. 366). В конце своей статьи П. Торссон приводит краткий очерк развития палатализации в славянских языках. Из исследования П. Торссона следует, что большинство германских диалектов с палатализацией *k* и *g* относились к двум основным ареалам — североскандинавскому и «ингвеонскому», к которому примыкают южно- и западнодатские диалекты.

Существуют работы, посвященные палатализации заднеязычных в отдельных языках, см. [Kristensson 1976, Penzl 1947, Lasch 1939, Кузьменко 1971.] Также заслуживают внимания статьи, в которых изучаются отдельные аспекты палатализации. В статье [Кузьменко 1968] на материале скандинавских диалектов показывается, что палатальные аффрикаты стабильны лишь при наличии спирантов того же ряда образования, в ином случае они деаффрицируются. Тезис Ю. К. Кузьменко подтверждается данными славянских языков, в которых рефлексy I палатализации деаффрицируются при условии отсутствия гоморганного щелевого, ср. $*g > *d\check{z} > *ž$, но $*k > *č$ при $*x > *š$. Заметим, что рефлексy сатемной палатализации во всех славянских языках представлены как спиранты, что свидетельствует о том, что они были первыми палатальными фонемами в праславянском. Достойны упоминания и другие работы того же автора, в которых затрагивается тема палатализации сонорных в скандинавских диалектах, см. [Кузьменко 1973, Кузьменко 1978]. Как известно, праскандинавские /л/ и /пп/ во многих современных диалектах обнаруживают палатализованные рефлексy. В ряде диалектов противопоставление палатализованных и непалатализованных выполняет морфонологическую функцию, различая, соответственно, мужской и женский рода, ср. борн. м. р. /slawin’/ : ж. р. /slawen/ — дисл. *sleginn* : *slegin*, прич. II от *slá* ‘бить’, борн. м. р. /gam:al’/ : ж. р. /gam:al/ — дисл. *gamall* — *gomul* ‘старый’ [Кузьменко 1978, с. 76—77]. В данных диалектах морфологическая маркированность палатальных⁸ сопровождается их фонологической маркированностью, что видно из нейтрализаций перед дентальными смычными, где появляется немаркированный член противопоставления, ср. борн. м. р. /fol’er/ : ср. р. /folt/ ‘полный’, м. р. /san’er/ : ср. р. /sant/ ‘правдивый’. В диалектах, где различие между мужским и женским родами утрачено, маркированным оказывается непалатализованный член оппозиции, ср. юдат. общ. р. /fi:n/ : ср. р. /fin’t/ ‘прекрасный’, общ. р. /ha:ler/ : ср. р. /hal’t/ ‘косой’. В данном случае фиксируется веля-

⁸ Маркированным является мужской род, ср. дисл. м. р. *gulur* : ж. р. *gul* ‘желтый’.

ризованность непалатального *l*, а также тенденция к замене противопоставления *l/ : l' /* на *l/ : l/*. В отношении истории палатализации *ll* и *nn* автор сразу отмечает гипотезу о ее происхождении из *lj* и *nj*: ассимиляция *lj > ll, nj > nn* не приводила к появлению палатализованных согласных, ср. норв. диал. /ven':e/ — др.-исл. *venda* 'поворачивать', но норв. диал. /ven:e/ — др.-исл. *venja* 'приучать'. Также критически было оценено предположение о происхождении палатализации в результате ассимиляции палатального */*R/ lR > ll, nR > nn* на том основании, что палатальность не была релевантной для */*R/*⁹. Ю. К. Кузьменко склонился к просодическому происхождению данной палатализации¹⁰. Однако ввиду того, что впоследствии данный автор отказался от теории о древности акцентов в скандинавских языках (см. [Кузьменко 1991, с. 146]), мы считаем правомерным реабилитировать гипотезу о происхождении палатализации из */*lR, *nR*. В пользу данного предположения свидетельствует то, что, как и *R*, *nn* и *ll* оказывали влияние на предыдущий гласный, см. примеры выше, также [Brøndum-Nielsen 1950, с. 195]. На наш взгляд, палатальность, обусловленная неполной ассимиляцией *R*, закрепились благодаря морфонологической нагрузке, о чем свидетельствует факт ее стабильности в говорах, где она сохраняет эту функцию.

2.2. Сегментная просодика. Традиционно термины «супraseгментный» и «просодический» считаются синонимами. Для того, чтобы устранить разночтения, мы начнем раздел с определения данного понятия: «Слоговые акценты и тоны — это супraseгментные просодические единицы, которые как бы накладываются на сегментную последовательность фонем. Существуют, однако, и сегментные просодические различия — это различия, определяющиеся взаимоотношением двух основных составных частей слога гласного и согласного (VC). Эти различия связаны с типом соединения гласного и согласного (слогоделения, способ примыкания) и с временным соотношением гласного и согласного в комплексе VC» [Кузьменко 1991, с. 8—9].

Проблема слога занимает особое место не только в сравнительной грамматике германских языков, но и в общей теории языка. До сих пор понятие слога не имеет общепринятого определения, хотя его реальность осознается не только исследователями, но и носителями языка. В большинстве монографий, где основное внимание уделяется проблеме слога, содержится разбор основных теорий слога. Истории изучения данного вопроса посвящена статья венгерского лингвиста Дьюлы Ласициуша, см. [Laszicius 1966]. Автор рассматривает теории скандинавских, английских и немецких лингвистов с

⁹ Палатальный характер */*R* доказывается палатальной перегласовкой предыдущего гласного, см. [Noreen 1923, с. 66.]

¹⁰ О связи палатализации *l* с тоном в кетском см. [Вернер 1979, с. 282].

XIX в. по 60-е гг. XX в. В заключение автор констатирует, что при всех их достоинствах разобранные теории не отвечает на все вопросы и не решают всех проблем, связанных с определением физических и лингвистических коррелятов слоговых границ.

Существующие методики определения слога, исходящие из правил фонотактики, основаны на поисках общefonетических и фонологических закономерностей, определяющих место слогораздела. В работе [Потапова 1986] представлено экспериментально-фонетическое исследование слога и слоговой границы, ее связи с длительностью, примыканием и фразовой просодикой. В данной монографии рассматривается материал языков со слоговым равновесием (шведский и норвежский) и с корреляцией контакта (английский, немецкий, голландский и датский). Согласно данным, полученным Потаповой, в современных германских языках представлены различные типы количественной организации слога в одно- и двусложных словах. В английском и шведском представлена компрессия длительности гласного в дисиллабах по сравнению с моносиллабами, в датском, немецком и голландском существует прямо противоположная тенденция, норвежский относится к смешанному типу, см. с. 43—44. В целом временной компрессии, согласно автору монографии, больше подвержены согласные, чем гласные. (Это согласуется с историческими данными — в языках, где происходит переход к корреляции контакта, сокращаются все долгие согласные и лишь в отдельных случаях — долгие гласные, определение понятия «корреляция контакта» см. ниже.) Кроме того, автор рассматриваемой монографии приходит к выводу о том, что в германских языках существует лишь один тип примыкания — сильный, те же различия, которые традиционно приписываются противопоставлению слабого и сильного примыканий, относятся исключительно к предшествующему гласному, с. 92. Потапова признает, что при краткости гласного слоговая граница проходит либо по следующему за ним согласному, либо после него, см. с. 96. Заслуживают упоминания и сведения о зависимости примыкания от фразовой интонации. Так, в датском языке в обшewопросительных предложениях происходит ресиллабация слогоконечного согласного в двусложных словах: CVC-V > CV-CV. Такое явление характерно только для датского, где степень примыкания согласного к гласному более слабая, чем, например, в английском языке, где такое явление не зафиксировано. Особо стоит отметить результаты экспериментов по временному квантованию и сегментации речевого потока, проведенные на носителях английского, немецкого и русского языков. В ходе данных экспериментов было установлено, что речь на одном из германских языков по-разному разбивается на слоги носителями данного языка и русскоязычными информантами — последние зачастую слышат открытый слог там, где немец или англичанин постулируют закрытый, что неудивитель-

но, поскольку закрытые слоги практически не свойственны русской речи, см. с. 98—101.

Последнее замечание свидетельствует о том, что использование инструментальных методов для поисков универсальных правил слогоделения в каждом конкретном языке в принципе не может дать искомого результата, поскольку в данном случае не учитываются фонологические и морфологические факторы, проявляющиеся только в лингвистической интуиции носителей языка. Однако именно решение проблемы дискретизации речевого потока на слоги с опорой на интуицию информантов помогает нам вскрыть языковое содержание слогоделения. Подобный подход наиболее четко выражен в уже упоминавшейся монографии [Кузьменко 1991] где представлена оригинальная точка зрения на проблему слогоделения, которая рассматривается не столько в свете фонетических и фонологических реалий, сколько в связи с морфологическим типом языка. Современные германские языки разбиты автором на группы в зависимости от их типа сегментной просодики, который обнаруживает прямую или опосредованную связь с грамматической системой данного языка. Всего автором выделено 4 просодических типа:

Моросчитание — существуют длинные и краткие ударные слоги, слогоделение не связано с количественной структурой слога, слова типа CVCV имеют открытый слог, см. с. 13—15, 30. Все древнегерманские языки были моросчитающими, однако в настоящее время он представлен лишь в наиболее архаических диалектах Швеции и Норвегии, а также в швейцарских диалектах немецкого языка.

Изохрония — все ударные слоги длинные. В словах типа CV:CV первый слог всегда открытый, в словах типа CVC:V слогораздел зависит от типа примыкания гласного к согласному. Наиболее распространена та точка зрения, согласно которой слогораздел в этих словах проходит посреди геминаты (с. 35—36). Изохрония характерна для всех скандинавских языков, кроме датского, а также для ряда баварских и алеманнских диалектов немецкого.

Корреляция контакта — различаются открытые и закрытые слоги, последние требуют краткости слогообразующего гласного. Одна из особенностей данного типа языков — отсутствие геминат (за исключением морфемных швов, ср. англ. *penknife* [pen:aif] ‘перочинный нож’), см. с. 59—64. Обычно выделяется 2 типа примыкания — плотный и свободный контакт. В датском корреляция контакта осложнена корреляцией толчка, что приводит к четырехчленной схеме: сверхсвободный контакт *havet* [ha'vəd] ‘море (опр.)’, свободный контакт *kane* [ka:nə] ‘сани’, плотный контакт *falde* [falə] ‘падать’, сверхплотный контакт *falder* [fal'ər] ‘падает’. Корреляция контакта отмечается как для датского, так и для всех западногерманских языков.

Силлабоморфемность — полное совпадение слоговых и морфологических границ, сопровождающееся апокопой безударных слогов, а также воз-

никновением тональных различий, несущих грамматическую функцию. В связи с этим весьма показательным высказывание датского диалектолога Б. Нильсена, который, описывая слоговое деление в одном из ютландских диалектов, пишет, что «в безударных слогах нет слогоначальных согласных» (разрядка Ю. К. — А. М.), ср. *o-n-i*, дат. литер. *orne* [o·nə] ‘боров, кабан’, с. 119. Такой тип сегментной просодики разительно напоминает строение силлабемы в слогоморфемных языках Юго-Восточной Азии и Африки. Ю. К. Кузьменко отмечает, что силлабемность является не правилом, а тенденцией, наиболее сильно проявляющейся в ютских и южнодатских диалектах, а также в рейнско-франкских диалектах немецкого языка.

Основной заслугой авторской концепции Ю. К. Кузьменко является установление связи между характером слогового деления и грамматическими тенденциями, преобладающими в германских языках. Таким образом, проблема слогового деления была выведена за рамки фонетико-фонологических исследований. Кроме того, были приведены к общему знаменателю факты из таких разных языковых типов, как флективный и изолирующий.

В связи с этим стало очевидным, что корректное разрешение проблемы слога и слогораздела должно осуществляться с учетом функции слогового деления в отдельно взятом языке. Если квантование речевого потока на слоги свойственно всем языкам, то сегментация речи на слоги, по-видимому, оправдана именно в тех языках, где слогораздел имеет функциональную нагрузку. Обычно лингвисты признают универсальным именно открытый слог, см. [Златоустова, Потапова, Трунин-Донской 1986, с. 67—68.] и постулируют тенденцию к восходящей звучности в качестве принципа построения инициали слога. В языке, где слогораздел иррелевантен, слогораздел производится по принципу открытых слогов, там же, где он релевантен, слоговое деление прямо не зависит от сегментного базиса. Однако в языках с закрытыми слогами существует тенденция к вокализации слоговой финали, см. [Кузьменко 1991, с. 214—217, 223]. Подобные явления характерны и для слогоморфемных языков Африки и Юго-Восточной Азии, см. [Кузьменко 1991, с. 241].

В аналитических германских языках с корреляцией контакта тенденция к закрытому слогоразделу проявляется лишь в одном фонологическом контексте, а именно в словах типа CVCV (? CV·CV). Для развития морфологически связанного слогового деления необходима стратегия акцентного выделения корня на фоне аффиксов; ср. французский язык, где такой стратегии нет и аналитическая морфология, но не сопровождается корреляцией контакта. Тем самым, сегментная и супraseгментная просодика связаны не только между собой, но и с морфологическим уровнем языка.

В отличие от германских языков, в славянских просодика не так жестко детерминирована морфологически. С одной стороны, в славянских языках не

действует правило акцентного выделения корня, соответственно — с другой стороны — слогораздел в целом не обнаруживает зависимости от морфологических границ.

В монографии [Лекомцева 1968] содержится описание слоговых структур во всех славянских языках с позиций фонологического подхода. Анализируя фонемный инвентарь каждого языка в терминах различительных признаков классификации Якобсона, автор формулирует понятие слога как «последовательность фонем, при котором каждые следующие друг за другом фонемы имеют признаки, связанные друг с другом», с. 50. Доказательства производятся с использованием сложного логико-математического аппарата. М. И. Лекомцевой устанавливаются две ядерные слоговые структуры: CV и CVC. Последняя наличествует только в русском, белорусском, верхнелужицком и словенском. Обращает на себя внимание тот факт, что в белорусском гласные *e*, *o* и *i*, которые встречаются только в слогах типа CVC, относятся к напряженным. Заметим, что ряд лингвистов также приписывают гласным закрытого слога в германских языках признак напряженности [Кузьменко 1991, с. 84]. В целом Лекомцева отмечает, что выделенные ею типы соответствуют интуитивному делению на слоги за исключением случаев конца слова, оговоренных отдельно. Этот факт вызывает у нас сомнение, поскольку, например, литературному русскому языку закрытые слоги не свойственны, см. [Бондарко 1977, с. 137].

В работе [Калнынь, Масленникова 1985] содержится описание слогораздела в сочетаниях из двух и более согласных на материале говоров из различных диалектных зон славянского ареала. Этой же теме посвящена статья [Касаткин 1995]. Согласно данным Л. Л. Касаткина, в севернорусских диалектах, где шумные противопоставлены по напряженности/ненапряженности, существует сильное примыкание 1-го члена консонантного кластера к гласному, при этом данный согласный является фонетически долгим. Это приводит к тому, что последовательность VCCV, содержащая открытый слог в большинстве русских диалектов (V-CCV), сегментируется носителями севернорусских диалектов иначе — VC-CV. Эти данные представляют определенный интерес для германистики. Как известно, большинству германских языков практически не свойственна корреляция звонкости: оппозиция звонких и глухих не нейтрализуется в английском, шведском и норвежском, в исландском, датском и фарерском противопоставления в системе шумных основаны на признаках напряженности и придыхания, в немецком смычные противопоставлены как по звонкости, так и по напряженности. В голландском и фризском корреляция звонкости осложнена аспирацией начальных глухих смычных. Это ставит вопрос о соотношении напряженности поствокалического согласного, его долготы и положения, занимаемого им относительно слоговой границы. Данная проблема особенно актуальна для датского языка, в котором

становление корреляции контакта происходило одновременно с так называемым датским передвижением согласных, в результате которого смычные стали противопоставляться по признаку напряженности. К сожалению, на данный момент проблема взаимоотношения типа слогоделения и корреляций в системе шумных остается практически не изученной¹¹.

Как известно, фонологический подход к решению проблемы слога страдает одним существенным недостатком — он заставляет постулировать один определенный тип слогоделения для каждого конкретного базиса. При этом может не учитываться интуиция носителей языка, а также влияние на слогораздел морфологических ассоциаций, фразовой просодии и т. п. Это свидетельствует лишь о том, что фонологические правила слогоделения не являются жестко детерминированными, допуская влияние других факторов при определении слоговой границы. В статье [Винарская, Лепская, Богомазов 1977] представлен материал экспериментов с детьми в возрасте от 2 до 10 лет, которым предлагалось разделить на слоги ряд слов. На основании полученных данных авторы пришли к выводу о том, что дети разного возраста используют разные модели слогоделения. Дети самого младшего возраста делят слово на открытые слоги, исходя из правила восходящей звучности. Потом, по мере освоения грамоты, появляется морфологический принцип слогоделения по принципу закрытых слогов. В обеих моделях слоговая граница четче фиксируется в начальной части слова, которая динамически выделена сильнее, чем конечная часть слова. В языке старшей возрастной группы информантов функционируют различные слоговые модели, из чего авторами статьи делается вывод о поливалентности слогоделения в естественном языке, что объясняет все многообразие теорий слога в современной лингвистике. На наш взгляд, вывод авторов статьи наиболее приемлем если не для всех типов языков, то для тех, в которых слогоделение не испытывает сильного давления со стороны морфологической системы, что имеет место в слогоморфемных изолирующих языках и приближающихся к данному типу языков с корреляцией контакта.

2.3. Супraseгментная просодика (акцентуация). В данном разделе затронута проблема германской акцентуации и ее истории. Обусловленно это тем, что исследования по славянской акцентологии давно вышли за пределы

¹¹ Следует обратить внимание на тот факт, что из всех славянских языков типологически наиболее близкими к германским оказываются севернорусские диалекты. Помимо корреляции напряженности такое сходство подтверждается неосуществлением II (вторичной) палатализации и слабым развитием корреляции мягкости, см. [Зализняк 1995, с. 37. Колесов 1980, с. 140]. Тем не менее, данные из пиджина *russenorsk*, которым пользовались норвежские моряки и поморы (см. ниже), показывает, что сходство не было абсолютным.

материала славянских языков. Возрос интерес представителей славистской акцентологической школы к акцентуации других индоевропейских языков, в частности германских. Это способствует как сравнительно-историческим, так и типологическим исследованиям в рассматриваемой области, что мы попытались отразить в своей работе.

Большинство германских языков относятся к моноакцентным языкам. В исконных словах ударение ставится на корень, заимствования зачастую сохраняют место ударения языка-источника. Исключение составляет исландский, в котором заимствования могут иметь только начальное ударение, см. [Мельников 1997]. Также отмечаются колебания между начальным и неначальным ударением в немецком, см. [Schmidt 1981], также [Попов 1986], где представлено контрастивное исследование ударения в русском и немецком с анализом акцентуационных ошибок русских студентов, изучающих немецкий язык. Наибольший интерес представляет акцентуация скандинавских языков. В шведском и норвежском языках отмечается наличие двух акцентов — акцент I (акут) и акцент II (гравис), а также циркумфлекс, наблюдающийся, в основном, в апокопированных словах и имеющий контур акцента I или акцента II. Традиционно считается, что акцент I присущ словам, бывших односложными в древнескандинавскую эпоху, акцент II — наоборот — у исконно дву- и многосложных. Описания данной системы ударения содержатся в работах [Кацнельсон 1966, Gårding 1978, Liberman 1982, Кузьменко 1991].

Изучению акцентного противопоставления акцент I : акцент II посвящено исследование шведского фонетиста Энгстранда, см. [Engstrand 1995]. В работе представлено фонетическое исследование обоих акцентов и их поведения во фразе. Слова с акцентом I содержат один пик основной частоты (F0), располагающийся в ударном слоге. Слова с акцентом II содержат два пика — в ударном и безударном слогах. При этом отмечается, что пик в словах с акцентом I и второй пик в словах с акцентом II определяются фразовой акцентуацией и исчезают в безударной позиции во фразе. Первый пик в словах с акцентом II стабилен и не зависит от фразового ударения.

Существует много фактов, свидетельствующих о связи начального акцента II с акцентом I на первом слоге:

- а) колебания в заимствованиях, ср. швед. *tele'fon* / *'tel:efon* 'телефон', *a'vis* / *'av:is* 'газета', см. [Клычков 1966, с. 297, Кацнельсон 1966, с. 41];
- б) метатония акцент I > акцент II: ранненшвед. *al'drig* 'никогда', *fi'ende* 'враг', *hed'ning* 'язычник', *sa'lat* 'салат', *lappe'ri* 'пустык' > ншвед. *'aldrig*, *'fiende*, *'hedning*, *'sallat*, *'lappri*, см. [Noreen 1907, с. 296—298];
- в) колебания в сложных словах, ср. *gud'fruktig* / *'gudfruktig* 'набожный';
- г) глагольные синтагмы, ср. норв. диал. *gikk 'inn* 'вошел', *tar 'med* 'берет с собой' — норв. литер. *'gikk inn*, *'tar med*, см. [СГГЯ, с. 188, Gårding 1978,

с. 23], швед. *Lars 'Emil* / *'Lars Emil* (имя собст.), *bra 'nog* / *'bra nog* 'довольно хорошо', см. [Noreen 1907, с. 252].

В связи с этим интересны показания информантов-носителей норвежского языка, которые в словах с акцентом I ставили ударение на первый слог, слова с акцентом II вызывали у них затруднение, см. [Liberman 1982, с. 9]. В целом исследователи сходятся на том, что в словах с акцентом II последний слог динамически выделен сильнее по сравнению с акцентом I.

В диалектах, сохраняющих моросчитание, привязка акцента к определенному слогу в исконно двусложных словах типа CVCV вызывает еще большие затруднения. В этих словах наблюдается особая акцентная структура — так называемый равновесный акцент (швед. *jämnviktaccent*, англ. *level stress*). В словах CVCV оба слога характеризуются равным распределением интенсивности и тона. Данный тип представляет собой реликтовое явление, об исчезновении равновесного акцента см. [Hovda 1954]. Иногда он может сменяться конечным ударением (окситонезой), реже — начальным ударением (баритонезой). В норвежском говоре того, наиболее архаичном из всех скандинавских континентальных диалектов, краткосложники имеют равновесный акцент в изолированном положении и в срединной позиции во фразе (*-bæta* 'кусать'), в начале фразы и при эмфазе слово, удлинняя первый слог, получает акцент II (*'be-ta*), перед паузой — акцент I (*be'ta*), см. [Christiansen 1954, 195]. В ряде диалектов равновесный акцент сменяется акцентом II с удлинением второго или обоих слогов, ср. тудальс. *'skröve* < *skrifå* 'писать', *'bete* < *biti* 'кусочек', весттелем. *'vi-ka* < *vika* 'неделя', *'ve-ra* < *vera* 'быть', *'ga-ma-le* < *gamlir* 'старые' при *gamall* 'старый'¹², см. [Christiansen 1954, 196]. Однако в отдельных случаях равновесный акцент сохраняется даже при удлинении одного из слогов, см. [Кузьменко 1991, с. 22.]

Ударение можно трактовать как характеристику, приписываемую одному из слогов слова, либо как характеристику, приписываемую целому слову. Акценты в шведском и норвежском описывались и как слоговые, и как словесные, см. обзор дискуссии в [Кацнельсон 1966, 14—19, Кузьменко 1991, 37—39]. Од-

¹² Удлиннение двух слогов при утрате моросчитания зафиксировано в древн., ср. **dabaru* 'слово' > *dā'bār*, см. [Дьяконов 1967, с. 376]. Сходный процесс мог действовать в начале истории германского языка идиш в XI—XIII вв., в период интенсивного освоения его носителями субстратной западнославянской лексики. С учетом этого пралужицкая односложная форма **nemč* 'немец' может, несмотря на возражения Х. Шустер-Шевца [Schuster-Šewc 1991: 199], рассматриваться в качестве источника двусложной формы ид. *nemec* 'тж.'. Однако это обстоятельство, вопреки П. Векслеру [Wexler 1991a: 217], не доказывает, что ид. *nemec* непременно возникло путем просодического растяжения: источником заимствования вполне могла послужить двусложная форма одного из восточно- или западнославянских диалектов.

нако нетрудно заметить, что ударение выполняет как слововыделительную, так и слоговыделительную функции. Исключение из данного правила представляют так называемые энклиномены. Под понятием «энклиномен» понимаются сходные, но различные по своему содержанию сущности — просодически невыделенная словоформа (которая в позиции во фразе примыкает к тактовой группе ближайшей ортотонической формы, классический пример — энклиномены в праславянском, см. [Дыбо 1981, с. 52]) или словоформа без просодически выделенного слога. Рассмотрим характер кульминативной функции каждого акцента. Акцент I выполняет обе функции. Наоборот, акцент II, несущий слововыделительную функцию, не позволяет нам однозначно определить привилегированный слог ввиду того, что последний (безударный) слог получает некоторое динамическое усиление. Данная особенность характеризует акцент II во всех скандинавских диалектах, имеющих акценты, см. [Liberman 1982, с. 193]. Это подтверждается и чередованием акцента II с акцентом I на первом слоге. Главной привилегией ударного слога в словах с акцентом II является долгота, что не позволяет нам отнести данный акцент к показателям энклиномичности. Однако в исконно двусложных словах, где долгота не установилась, налицо все признаки энклиномичности второго типа. Вопрос о соотношении обоих типов энклиноменов представляется достаточно сложным, однако их близость несомненна. Из приведенного выше описания акцентуации двусложных краткосложников в говоре Вого следует, что наличие равновесного акцента в словах данного типа связано с фразовой безударностью, ср. также нотацию шведского диалектолога Л. Левандера *sumi* 'karl' 'тот же мужчина', где слово с равновесным акцентом (*su-ti*) не имеет значка фразового ударения, см. [Кацнельсон 1966, с. 49]. Заслуживает внимания и тот факт, что равновесный акцент зачастую реализуется как ровный низкий тон — такая же тональная характеристика была и у праславянских энклиноменов, состоявших из «низкотональных» морфем, см. [Дыбо 1978, с. 57]. Энклиномический характер равновесного акцента еще не изучено полностью, пока же мы можем констатировать, что энклиномичность следует рассматривать как градуальную характеристику, полюсами которой являются фразовая энклиномичность и слоговыделительный акцент ортотонических форм.

Акцентная система датского языка в целом очень сильно напоминает акцентуацию в шведском и норвежском. Аналогом акцента I в датском выступает толчок (дат. *stød*), противопоставленный отсутствию толчка, см. [СГГЯ, с. 193—200, Кацнельсон 1966, с. 116—137, Liberman 1982, с. 50—79, Кузьменко 1991, с. 73—79.] Связь толчка с былым количеством слогов побудила ряд исследователей трактовать корреляцию толчка как просодию исконно односложных слов, превратившуюся в показатель слогоделения [Кузьменко 1991, с. 76, 205—207] или морфемного сандхи [Циммерлинг 2000, с. 7]. Отличие датской акцентуации от североскандинавской заключается в том, что оп-

позиция «толчок : отсутствие толчка» не нейтрализуется в односложных словах, ср. *hun* 'собака' : *hun* 'она'. Основную массу односложных слов без толчка образуют бывшие краткосложные слова, ср. *ven* 'друг' < *vinr*, *led* 'калитка' < *hlið*. Подобная особенность датской акцентуации обусловлена тем, что, по-видимому, корреляция контакта наступила еще до полного исчезновения краткосложности. Отсутствие толчка в неудлинившихся краткосложниках связано с тем, что минимальной единицей, способной нести ударение, являлся биморный базис¹³. Толчок, неразрывно связанный с ударением, не мог проявляться на одноморном базисе. Несмотря на то, что датский сохранил следы акцентной инертности старых краткосложников, не следует считать акцентуационную систему датского литературного языка архаичной. Помимо того, что датский относится к языкам с корреляцией контакта, просодия в датском в целом отражает не столько результат естественного развития языка, сколько продукт деятельности создателей литературной нормы. В монографии [Skautrup 1947] описывается ситуация фонологической амбивалентности долготы, явившейся результатом смещения в литературном языке XVI—XVII вв. различных диалектных норм, а также влияния книжного произношения, см. с. 332—333. Там же приводится сравнение литературной нормы, отраженной словарями Мота и Понтопидана, между которыми обнаруживаются существенные расхождения в акцентуации одних и тех же слов. Этой теме посвящена статья [Циммерлинг 1999с], где обсуждается амбивалентность долготы в датском XVII в. Стабилизация датской нормы, относящаяся к началу XVIII в., явилась результатом деятельности грамматистов и распространения книгопечатания, см. [Skautrup 1947, с. 320—321]. Однако уже с XIX в. датский литературный язык обнаруживает тенденцию к сокращению долгих гласных, см. [Кузьменко 1991, с. 228, Brink, Lund 1975, с. 221.] Наиболее подвержены сокращению базисы на *V + r, g, v, ð* (именно эти согласные больше всего стремятся к вокализации). Сокращение слога приводит к перемещению толчка на согласную либо к его исчезновению, ср. *ha'v* 'море' > *hau*, но *li'v* 'жизнь' > *liu*'. При этом, заметим, датские лингвисты не отмечают никакого просодиче-

¹³ Равновесный акцент свидетельствует о генерализации правила долготности ударного базиса, являясь таким образом побочным продуктом перехода от моросчитания к изохронии. Возможно, в датском и западногерманских языках, где слоговому равновесию не удалось закрепиться, данное правило не смогло генерализоваться. Это подтверждается материалом моросчитающих баварских говоров, где в словах типа CVCV нет равновесного акцента, а конечный гласный редуцирован, см. [Кузьменко 1991, с. 28—29, 31]. Здесь будет уместным предположение о том, что отсутствие правила двуморности ударного базиса благоприятствовало становлению корреляции контакта, и наоборот. Таким образом, линейный характер схемы моросчитание > изохрония > корреляция контакта должен быть пересмотрен.

ского различия между словами, обнаруживающими сокращение, и словами, сохраняющими долготу. Недавно появилась гипотеза, в которой отстаивается другая точка зрения, а именно связь новодатского сокращения долгот с индоевропейской акцентуацией. Ее автор — славист С. Л. Николаев — разбил датские односложные слова на два класса в зависимости от долготы/краткости корневой гласной: к первому классу были отнесены долговокалические слова, ко второму — «слова с сокращенным долгим гласным (и *stød*’ом на ауслаутном сонанте) и с неудлиненными краткими гласными (первоначально без *stød*’а на ауслаутном сонанте)», см. [Николаев 1993, с. 83]. При этом осталось непонятным, по какому принципу в первый класс попали слова *hjort* [hjoRt] ‘олень’, *sølv* [sölv] ‘серебро’, *værk* [værk] ‘дело, работа’, не имеющие ни толчка, ни долгого гласного. Автор на основании внешнего сравнения попытался доказать, что в первый класс входят слова, восходящие к индоевропейскому «высокотональному» классу, второй класс в датском отражает «низкотональный» класс. Однако, на наш взгляд, предоставленный С. Л. Николаевым материал недостаточен для подобных выводов. Больше всего сомнений вызывает второй просодический датский класс, где краткость зачастую обусловлена позднейшими процессами. Из него следует исключить примеры:

6. *sej* [sai] ‘вязкий, упругий’, 7.—8. *høj* [høi] ‘высокий’ и ‘холм’: на данных базисах еще в древнедатский период произошла вокализация *g*, приведшая впоследствии к дифтонгизации гласного, на дифтонгах же толчок может стоять только после глайда, см. [Стеблин-Каменский 1953, с. 137, 140, Brøndum-Nielsen 1968, с. 210]; 19. *tam* [tam] ‘ручной’, 27. *dom* [dom] ‘приговор’: в датском *m* удлинялось перед всеми гласными, кроме *i*, ср. *lim* > *li’m* ‘клей’, но *koma* > *komme* ‘приходить’, см. [Brøndum-Nielsen 1968, с. 375—379]. Слова 13. *byrd* [byrt] < ддат. *byrb* ‘род, происхождение’ и 20. *hjort* [jort] < ддат. *hjort* ‘олень’ не являются непосредственными рефлексам соответствующих прагерманских архетипов: *þ[ð]* отпало в инлауте и ауслауте в XV—XVI вв., произношение на его месте [t] является следствием книжного произношения, см. [Skautrup 1947, с. 184]. Следует признать неоправданным использование примеров из южноютского диалекта о. Ремё, в которых долгота/краткость корня определяется качественной структурой его древнедатского архетипа: Ремё *la-ñ* < ддат. *land*, Ремё *toñ* < ддат. *tunnr*, о просодическом различии рефлексов *ld*, *nd* и *ll*, *nn* (< *ll*, *lp*; *nn*, *np*, *tn*) см. [Кацнельсон 1966, с. 149]. Это позволяет нам исключить из списка примеры 30. и 31. Вдобавок у целого ряда слов из датского второго просодического класса была долгота на рубеже XIX—XX вв., ср. 2. *led* [le’ð] ‘путь’, 3. *hud* [hu’ð] ‘кожа’, 10. *hav* [ha’v] ‘море’, 13. *byrd* [by’rt] ‘происхождение’, 21. *stød* [stø’ð] ‘толчок’, см. [Wied 1898, Dahlerup 1919—1954]. Особо следует коснуться примера 1. *sted* [steð] ‘направление, путь’. Непосредственным рефлексом древнедатского *stapr* является малоупо-

требительное слово *stad* [sta'd]. Огласовка в *sted* обычно трактуется как результат аналогического влияния перегласованной формы мн. ч. от *stapr*, также отмечается возможность влияния западногерманских языков, см. [Falk-Torp 1960, с. 1154], ср. дангл. *stede* 'место, устойчивость', дфриз. *stede* 'место', дсакс. *stad/stede* 'место', сннем. *stat* 'место, город' / *stede* 'место, случай', свнем. *stat* 'место, город' / *stete* 'место'. Таким образом, мы вправе исключить пример 2. *sted* из рассмотрения из-за сомнений в его древнедатском происхождении и заменить его на исконно датское *stad*, которое сохраняет исконную просодию благодаря своей малоупотребительности.

В итоге во втором классе остается 11 примеров и 7 контрпримеров, которые следует отнести к первому классу. Если к этому прибавить 5 исключений на «низкотональные словоформы», то получается, что индоевропейский «низкотональный» класс практически поровну (12 на 11) распределяется по обоим просодическим классам в датском. Это заставляет нас скептически отнестись к теории С. Л. Николаева, однако следует признать, что с учетом последних достижений в сравнительно-исторической акцентологии разработка данного направления может способствовать уточнению акцентной природы таких процессов, как закон Вернера, закон Хольцманна, сокращение гласных перед сонантами по закону Дыбо и др.

Истории скандинавской акцентуации посвящено множество статей и монографий, см. обзор в [Кацнельсон 1966, Liberman 1982]. В монографии [Кацнельсон 1966] представлен первый опыт реконструкции прагерманского ударения на базе акцентуационных систем северо- и западногерманских языков, а также ее индоевропейских истоков. С. Д. Кацнельсон вслед за некоторыми диалектологами отказался считать циркумфлекс в скандинавских говорах продуктом редукции на том основании, что данный акцент встречается и в исконно односложных, и в неапокопированных словах (с. 103). На этом основании автор отказался от трактовки правила былого количества слогов, определяющего акцентуацию в современных шведском и норвежском, как исконного. Кроме того, Кацнельсон принял точку зрения Б. Хессельмана об обязательности факультативной апокопы для всех скандинавских языков в определенный период их истории, согласно которой одни диалекты выходили из состояния апокопы с апокопированными, другие — с неапокопированными формами (с. 112—113). По Кацнельсону, именно факультативная апокопа и вызванные ею просодические изменения явились причиной появления правила зависимости акцентов с прежним количеством слогов, сами же акценты существовали и раньше. Кацнельсоном реконструировалось 4 акцента, противопоставленных по признаку резкости / плавности и одно- / двувершинности, и проявляющих сильную зависимость от качества базиса, а также от слоговой структуры слова. По Кацнельсону, одновершинный акцент соответствует гре-

ко-индийской окситонезе, двувершинный — баритонезе (с. 310, см. также с. 308). Теория Кацнельсона имела большое значение для отечественной германистики и компаративистики, стимулируя дальнейшие исследования скандинавской акцентуации. В работах [Герценберг 1979 и Герценберг 1981] была сделана попытка соединить результаты реконструкций прагерманской (С. Д. Кацнельсон) и балто-славянской (В. А. Дыбо) акцентуационных систем. Однако основное препятствие для подобной реконструкции заключается в том, что, по словам В. А. Дыбо, Кацнельсон не смог составить списков праформ с реконструированной акцентуацией, из-за чего становится невозможным проведение сравнения с данными балтийских и славянских языков и доказательство индоевропейского происхождения германских акцентов. Несмотря на это, монография Кацнельсона до сих пор сохраняет значение для германской акцентологии если не своими выводами, то подбором материала и проблемами, поставленными перед исследователями.

Упрек В. А. Дыбо приложим и к реконструкции последователя С. Д. Кацнельсона — А. С. Либермана, чья концепция изложена в [Liberman 1982]. Вслед за своим предшественником А. С. Либерман считал, что все скандинавские языки прошли через стадию факультативной апокопы, сами же акценты существовали и до нее. Для праскандинавского автор восстанавливает оппозицию «толчок : отсутствие толчка», которая в ряде современных диалектов представлена оппозицией «акцент I : акцент II», связь последних с былым количеством слогов является следствием факультативной апокопы. Концепция А. С. Либермана во многом схожа с теорией С. Д. Кацнельсона, однако в вопросе о моросчитании оба исследователя пришли к диаметрально противоположным выводам: если С. Д. Кацнельсон полностью отрицал существование моросчитания в современных германских диалектах, то А. С. Либерман пришел к противоположному выводу, зачислив в разряд моросчитающих датский. Однако то, что в датском не действовал закон метрического распушения ($CVC = CVC = CVCV$), препятствует отнесению датского к моросчитающим языкам, несмотря на то, что он благодаря корреляции толчка сохранил просодическое противопоставление исконных долгих и кратких слогов в односложных словах. Тем не менее автором не было предоставлено убедительных доказательств в пользу того, что толчок существовал в древнедатском и праскандинавском. (А. С. Либерман не продолжил реконструкцию до прагерманского и протогерманского уровней, ограничившись скандинавским материалом.)

В монографии [Кузьменко 1991] изложена противоположная точка зрения. Две предыдущие реконструкции отвергаются Ю. К. Кузьменко на основании следующих соображений:

а) Неверно представление о том, что факультативная апокопа может смениться отсутствием апокопы: во всех исследованных диалектах факультатив-

ная апокопа сменяется обязательной, при этом апокопа является изменением грамматического порядка (с. 203—204, 210). (Добавим, что веских доказательств существования факультативной апокопы во всех скандинавских диалектах так и не было представлено.)

б) Циркумфлекс — вне зависимости от его дистрибуции — встречается только в апокопирующих говорах, в остальных акценты либо отсутствуют, либо в целом отражают бывшее количество слогов (с. 146).

На этом основании автор присоединяется к точке зрения норвежского лингвиста М. Офтедаля о появлении акцентных различий на большей территории Скандинавии в результате образования суффиксированного артикля, прежде относившегося к тактовой группе следующего за ним прилагательного. Таким образом, фразовая акцентуация была интраполирована на словесный уровень, ср. *karl* || *inn gamli* ‘мужик тот старый’ > *karlinn gamli* ‘старый мужик (опр.)’. Важное преимущество концепции Ю. К. Кузьменко по сравнению с многими другими теориями заключается в учете архаичности/инновационности той или иной просодической системы и присущего ей типа сегментной просодики. Данный подход высветил существенный недостаток реконструкций С. Д. Кацнельсона, А. С. Либермана и С. Л. Николаева, которые в поисках реликтов прагерманской акцентуации обращались к данным датских, ютских и рейнско-франкских диалектов, представляющих совершенно новый просодический тип и относящихся к центру германского ареала, являющемуся ареной оживленных языковых контактов, что делает сомнительными поиски в языках данной зоны следов древних акцентов.

Моросчитающие говоры, просодика которых наиболее близка древнему языковому состоянию, указывают на одну немаловажную черту прагерманского ударения, а именно отсутствие резкого динамического выделения ударного слога, которое больше свойственно языкам со слоговым равновесием и корреляцией контакта.

Выше мы показали, что в исконно двусложных словах в шведском и норвежском слоговыделительная функция ударения выражена менее четко, чем в словах с акцентом I, восходящим к акцентуации односложных слов, где слово- и слоговыделительный акценты были сфокусированы на единственном слоге слова¹⁴. На наш взгляд, это является причиной того, что акцент I всегда ассоциируется с резкостью в отличие от «плавного» акцента II. Это подтверждает, что резкое динамическое ударение в германских языках вопреки тра-

¹⁴ Материал датского языка показывает, что только долготным односложникам был присущ подобный синкретический тип ударения. Степень ударности краткостных односложных словоформ нам неясна. Следует отметить, что в прагерманском (до эпохи редукции) количество знаменательных односложных слов было ничтожно.

диционной точке зрения носит инновационный характер и вызвано такими факторами, как долгота корня и/или редуцированность закорневой части слова. Таким образом, мы можем рассматривать плавность как основную характеристику словесного ударения в моросчитающих древнегерманских языках, что предполагает музыкальное, а не динамическое выделение ударного слога-носителя. Однако реконструкция прагерманского ударения затруднена тем, что в наиболее архаичных говорах либо наличествует редукция, либо существует равновесный акцент, который отсутствовал в древнюю эпоху, о чем свидетельствует редукция прасканд. им. п. **winir*, вин. п. **wini* > дисл. *vinr*, *vin* 'друг'. Ни в той, ни в другой группе не сохранились безударные долготы, что делает реконструкцию прагерманского ударения скорее делом умозаключений, основанных на типологических универсалиях, чем продуктом внутренней реконструкции на основе собственно германского материала.

Отдельно следует коснуться отсутствия акцентов в исландском и фарерском языках, где появление суффиксированного артикля не привело к изменениям словесной просодии¹⁵. Отчасти это может быть связано с тем, что удельный вес словоформ и синтагм, противопоставленных только своим акцентом, невысок из-за развитой флективной морфологии и свободного порядка слов. В шведском и норвежском можно выделить 4 основные группы, в которых противопоставляются акценты:

а) сильное склонение — слабое склонение, ср. швед. *'and-en* 'селезень' — *'ande-n* 'дух';

б) существительное — причастие, ср. швед. *'drag-et* 'черта' — *'draget* ср. р. прич. II от *dra(ga)* 'тянуть';

в) глагол с предлогом — глагол с поствербом, ср. швед. *'ta på* 'коснуться' — *'ta 'på* 'положить';

г) сложное слово — генитивное определение, ср. швед. *en 'stor 'mansdräkt* 'большой мужской костюм' — *en 'stormans 'dräkt* 'костюм феодала'.

В исландском эти группы слов различаются своим морфологическим составом или порядком слов:

а) сильное склонение — слабое склонение, ср. им. п. *sopur-inn*, вин. п. *sóp-inn* — *sópa-nn*, им. п. *list-in* 'искусство' — *listi-nn* 'планка', но вин. п. *list-ina* — *lista-nn*;

¹⁵ М. Клостер Йенсен утверждал, что в фарерском наблюдается акцентная фигура, напоминающая акцент II. По нашим слуховым впечатлениям, данный «акцент» появляется перед паузой в утвердительных и вопросительных предложениях. Тем не менее мы присоединяемся к выводу, сделанному Б. Хагстремом о факультативном характере данной просодии, см. [Hagström 1967, с. 46]. Профессор Й. Ришель (устное сообщение) в беседе с одним из авторов данной статьи высказал мнение, что по отношению к фарерским диалектам речь может идти только о фразовой, а не о словесной просодии.

в) глагол с предлогом — глагол с поствербом, ср. *koma af e-u* ‘приходить из ч.-л.’ — *koma e-u 'af* ‘выполнить ч.-л.’ (для шведского и норвежского более характерно контактное расположение глагола и постверба, см. [Никуличева 1996, с. 21]);

Примеров на группу г) нет, поскольку генитивное определение в исландском стоит в постпозиции к определяемому слову, в фарерском генитив фактически отсутствует, вместо него употребляются предложные обороты, также стоящие в постпозиции, см. [Берков 1996, с. 154, 227]. Таким образом, остается группа б), которая является слишком малочисленной, чтобы обеспечивать фонологическое противопоставление слов с разными акцентами. В отличие от островных исландского и фарерского, в континентальных скандинавских языках количество минимальных пар на противопоставление двух акцентов весьма внушительно: 300 пар в шведском см. [Elert 1972] и 2400 пар в норвежском [Kloster Jensen 1958]. Это свидетельствует о том, что существование акцентных различий в Скандинавии не является просто реликтом, оставшимся от древней эпохи, но поддерживается такими факторами, как скудность флективной морфологии и жесткий порядок слов.

Кроме этого, связь грамматики и просодики в германских языках демонстрируется категориальным принципом постановки ударения, которое зависит от морфологической структуры слова и/или от грамматического разряда, к которому принадлежит слово (последний фактор релевантен для полиакцентных шведского и норвежского, а также для примыкающего к ним датского). Категориальный характер германского ударения прослеживается еще с прагерманского периода, когда сформировалось правило просодического приоритета корневой морфемы. Праславянский язык показывает противоположный принцип акцентной организации: каждой морфеме приписана определенная просодическая характеристика, не зависящая от семантики или синтактики морфемы (так называемый парадигматический принцип), см. [Дыбо 1978, с. 56—57]. Существующая в славянских языках тенденция к категориализации акцента и стабильность категориального принципа ударения в германских языках позволяет нам предположить, что категориальный принцип является универсальным и отражает морфологическую природу ударения. Более редкой является тенденция к переходу от категориального к парадигматическому принципу — этот процесс происходит вместе со становлением силлабоморфизма (Южная Дания, рейнско-франкские диалекты). В этих диалектах полная апокопа приводит к совпадению различных морфологических классов (например, сильное и слабое склонения у имен), в результате чего появляются этимологические тональные различия, никак не определенные семантикой. В итоге мы можем констатировать, что в славянских и германских языках представлен широкий спектр типологически возможных акцентуационных систем. Это

делает сопоставление материала обеих групп важным для выяснения общих закономерностей эволюции тех или иных типов ударения.

2.4. Контактные явления. Принцип системности строения фонологического уровня связан с принципом симметричности, что проявляется в «оппозитивно-коррелятивном» характере фонологической системы, при котором каждая фонема представляется как пучок различительных признаков, см. [Журавлев 1986, 165]. Там же подчеркнута, что симметричность не является абсолютным принципом, что означало бы невозможность развития системы. Эта же идея развивается в статье [Стеблин-Каменский, Воронкова 1974]. Авторы критикуют определение фонемы как пучка различительных признаков, которая толкает фонологов к тем или иным огрублениям в угоду принципу симметрии, что зачастую приводит к появлению противоречащих друг другу трактовок одного и того же явления, причем данное многообразие объясняется игнорированием тех или иных фактов (с. 125). Далее авторы утверждают, что у фонологического изменения существует несколько равносильных путей развития, объяснение которых одним стремлением системы к восстановлению равновесия является тавтологичным, поскольку равновесие системой никогда не достигается.

Выводы, полученные М. И. Стеблин-Каменским и Г. В. Воронковой, делают очевидным тот факт, что в фонологической системе заложена неопределенность, или энтропийность, являющаяся причиной неоднозначности фонологического описания. На наш взгляд, данная особенность фонологической системы обуславливает различное поведение тех или иных единиц в разных языках, восходящих к одному источнику. При идентичности исходных условий в разных языках происходят различные процессы, что не могло бы произойти, если бы система имела один вариант развития, ср. различные возможности совпадения гуттуральных рядов в языках *satem* и *kentum*. Если нельзя объяснить эти процессы исходя только из внутрисистемных данных, то следует искать внешние факторы, повлиявшие на то или иное изменение. Таким образом, иноязычное влияние на звуковую систему конкретного языка может рассматриваться как один из факторов, снимающих неопределенность фонологической системы данного языка, и потому имеет большое значение для фонологической теории.

Из всех германских языков наибольшее влияние со стороны славянских языков претерпел идиш. В [Hutterer 1975] дается краткое описание синхронного состояния идиш. Как результат славянского влияния автор трактует становление фонемных различий $s : z$, $x : h$, ср. *halə* ‘зал’ — *xalə* ‘пирожное’, *sax* ‘много’ — *zax* ‘вещь’. Также следует отметить проникновение в идиш палатализации и исчезновение придыхания у начальных p , t , k . Этой же теме посвящена статья [Jakobson 1962a]. Автор связывает воедино дезаспирацию p , t , k и

отпадение начального *h* во многих диалектах идиш, также отмечая утрату количественных различий у гласных, что может сопровождаться появлением качественных различий, ср. *i : ī > y : i* (с. 409, 412). Данная тема затронута в [Weinreich 1958], где речь идет об отношениях идиша и немецких диалектов на территории СССР. Автор освещает звуковые особенности языка в свете славянского влияния, из чего следует упомянуть о заимствовании аканья в белорусском варианте идиша из соседних славянских говоров, ср. *akóršt < okoršt* (эмфатическая частица, употребляемая после императивов), *xalile < xolile* 'Боже прости'. В монографии [Weinreich 1980] содержится подробное описание истории идиша, его диалектов, также затрагивается тема взаимоотношения идиша с еврейскими языками Испании, Франции и Италии и влияния на него славянских диалектов. Книга содержит богатый материал по истории и современному состоянию различных диалектных норм идиша, однако, к сожалению, эти данные представлены в несистематизированном виде, что затрудняет их изучение. Ряд идей, высказанных в монографии, заслуживают особого внимания. Так, М. Вейнрейхом введено понятие диафонемы, различающейся своими региональными реализациями, ср. /ai||ei||a||a:/, см. с. 659. Этот термин удобен для описания такого языка, как идиш, который характеризуется отсутствием единой нормы, а также облегчает работу по реконструкции вокалической системы. В целом следует отметить, что идиш обычно оставался за рамками фонологических исследований в германистике, что не позволило нам подробнее осветить фонологические особенности идиша и его диалектов. Сравнительно недавно П. Векслер предложил новую концепцию происхождения идиша, предполагающую наличие у него конкретного западнославянского субстрата, «иудео-лужицкого языка» (Judeo-Sorbian), предположительно существовавшего в IX—XII вв. [Wexler 1991, Wexler 1991a]. Провокационное название монографии Векслера — «Идиш — пятнадцатый славянский язык» относится прежде всего к реконструированному иудео-верхнелужицкому языку, хотя Векслер утверждает также, что морфонология и синтаксис идиша в его современной форме характеризуются чертами не германского, а славянского типа¹⁶. Концепция Векслера была враждебно встречена большинством славистов, наиболее резко высказался немецкий сорабист Х. Шустер-Шевц, который

¹⁶ Мнение Векслера том, что такие черты, противопоставляющие идиш немецкому литературному языку и большинству немецких диалектов, как сохранение звонких смычных *b, d, g* в ауслауте и возможность вынесения финитного глагола в начало повествовательного предложения, объясняются славянским влиянием, неверифицируемо, что вынужден признать даже сочувственно комментирующий концепцию Векслера Б. Комри [Comrie 1991: 152—153]. Ср., например, отсутствие оглушения *b, d, g* в современном английском языке и порядок V1 в повествовательных предложениях современного исландского языка.

нашел большое количество фактических ошибок в славянском материале, привлеченном Векслером [Schuster-Šewc 1991: 199—203].

Из других германских языков особого интереса заслуживает немецкий язык. С одной стороны, немцы издавна жили в соседстве с западно- и южно-славянскими народами, с другой стороны, на территории бывшего СССР существовало несколько зон компактного проживания носителей немецкого языка. В работах [Lessiak 1959] и [Lessiak 1963] содержатся описания немецких диалектов Каринтии (Kärnten) — области, находящейся на границе Австрии и Словении. В данных говорах действует закон слогового равновесия. Главная особенность этих диалектов состоит в постепенном вытеснении типа VC: типом V:C, ср. [pī-bmen] *beben* ‘дрожать’, [mī-gla] *möglich* ‘возможный’, ср. также [hit-tn] *Hutte* ‘хата, изба’, [tut-ta] ‘бородавка’, но [lō-ta] *Latte* ‘планка» (с. 40—41). В ряде случаев фиксируются колебания, ср. [pet-tln / pē-tln] *bitteln* ‘попрошайничать’. Интересны и сообщения о заимствованиях из немецкого в словенский. Многосложные слова с исконно кратким первым слогом обнаруживают в словенском конечное ударение. В случае долготы первого слога заимствования имеют восходящее ударение на первом слоге. В односложных словах существует следующее распределение: краткость в немецком — восходящее ударение в словенском, долгота в немецком — нисходящее ударение в словенском. В работе [Michalk, Protze 1974] описываются немецкие диалекты из ареала проживания лужицких сербов. В этих диалектах зафиксированы колебания в долготе ударного гласного, приводящие к совпадению кратких и долгих гласных во многих идиолектах, в результате пары *Aale* : *alle*, *Weg* : *weg* становятся омонимами, см. с. 9. В этом случае отмечается влияние сегментной просодики соседних нижнелужицких говоров, которым не свойственно различие гласных по долготе, см. с. 43. Из других явлений, специфичных для немецких диалектов данной контактной зоны, следует упомянуть озвончение глухих шумных перед гласными и сонорными, а также палатализацию периферийных согласных и плавных перед гласными переднего ряда. В работе [Foss 1971] содержится описание нижненемецкого говора Липно (Польша, Варшавское воеводство). В этом говоре все согласные палатализуются в соседстве с гласными переднего ряда, единственное исключение — фонемы /k/ и /ŋ/, отнесенные к «превелярному» ряду, т. е. для них в целом характерна определенная степень палатализации. На конце слова встречаются лишь /g’/, /x’/ и /p’/, при этом им предшествует гласный переднего ряда. Это позволяет нам считать, что палатализация в говоре Липно привела лишь к образованию палатальных аллофонов, но не вызвала появления новых фонем. В данном говоре, для которого характерна корреляция контакта, отмечено удлинение краткого *a*, ср. [nāxt] *Nacht* ‘ночь’. У других гласных тенденция к удлинению выражена менее ярко.

Схожие явления характерны и для немецких диалектов бывшего СССР. Истории их изучения посвящена монография [Berend, Jedig 1991]. Данное издание содержит очерки о различных научных центрах, где изучались немецкие диалекты, а также снабжено подробнейшей библиографией работ советских лингвистов, работавших в данной области. Для более обстоятельной рецензии см. [Домашнев, Смирницкая 1992]. В работе [Иоганзен 1985] дано описание севернобаварского говора Алтая. Среди особенностей фонетики данного говора автор отметил отсутствие твердого приступа, слоговое равновесие, сопровождающееся удлинением гласного в ряде позиций, ср. [fve:stə] *Schwester* ‘сестра’, [ve:dɐ] *Wetter* ‘погода’.

Согласные палатализуются перед гласными переднего ряда, при этом палатализованное *l'* вытесняет веларное *l*, характерное для баварских диалектов (с. 10). Помимо этого, в говоре происходит озвончение в интервокале *s > z*, *š > ž*, переход *w > v*. Данные изменения, несомненно, обусловлены влиянием фонетики русского языка, в результате которого одни фонемы приобретают облик, характерный для схожих звуков русского языка, у других фонем появляются схожие аллофоны. Влияние фонологических систем русского и украинского языков проявляются в новообразованной фонеме [i:], которая фонетически реализуется как русское [ы], ср. [bī:fts] *Pelz* ‘шкура, мех’, [i:l] *Öl* ‘пиво’ (с. 7). Фонетическая интерференция в большей степени свойственна тем немецким диалектам, носители которых переходят на русский язык. Этому посвящены статьи [Донгаузер 1986] и [Донгаузер 1987], в которых описывается немецкий диалект Свердловской (ныне Екатеринбургской) области. В [Донгаузер 1986] описана фонологизация палатализации во во франкском говоре г. Березовский. В [Донгаузер 1987] автор касается темы уподобления немецкого вокализма гласным русского языка. Согласно данным Донгаузера, в большей степени подвержены уподоблению краткие гласные, которые имеют практически ту же фонетическую долготу, что и гласные русского языка, в меньшей степени — долгие гласные и дифтонги (с. 113). Заслуживает внимания и сообщение автора о проникновении редукции безударных гласных в речь носителей говора среднего и младшего поколений, ср. [p'in'ok] ‘пенёк’ < [p'en'ok], [k'iproxt] *gebracht*, [p'itrunga] *betrunken* (с. 115). Работа [Шрамл 1969] содержит описание немецких говоров Закарпатья (Львовская область, Мукачевский район). Автор отмечает, что данный диалект относится к смешанному типу и представляет собой язык потомков переселенцев из Франконии, Баварии, Саксонии, Австрии, Швабии и Чехии. Судя по описанию, данному диалекту присуща корреляция контакта, что выражается в отсутствии геминат. Характерное удлинение гласных происходит в диалекте в позиции перед определенными согласными и зависит от количества слогов в слове, ср. [ōlt] *alt* ‘старый’, [wēnt] *Wand* ‘стена’. В некоторых говорах удлинение гласно-

го сопровождается дифтонгизацией, ср. [haunt] *Hand* 'рука', [nouxt] *Nacht* 'ночь', [kloukə] *Glocke* 'колокол' (села Бородивка, София)

Таким образом, германским диалектам славяно-германской контактной зоны свойственны палатализация согласных в соседстве с гласными переднего ряда, а также удлинение кратких гласных. Последнее изменение происходит как в диалектах со слоговым равновесием, так и в диалектах с корреляцией контакта. Оба типа сегментной просодики абсолютно чужды всем славянским языкам. Геминация согласных и восходящий к ней плотный контакт не свойственны славянской просодике, поэтому преобладающим типом становится либо слог с количественным пиком на гласном (CV:C), либо свободный контакт, обеспечивающие слогораздел по принципу открытого слога. В ряде диалектов (идиш, немецкие говоры Закарпатья) удлиненный гласный дифтонгизируется, что следует считать проявлением все той же тенденции к открытости слога.

Изменения на фонемном и аллофоническом уровнях носят более разнообразный характер. Мы выделим 3 основных типа фонологических изменений, обусловленных влиянием иноязычной фонологической системы:

- акустическое уподобление реализаций существующих фонем;
- акустическое уподобление реализаций фонем, возникших во время контактного взаимодействия;
- появление новых признаков, вызывающих ассимилятивные процессы и образование новых аллофонов у фонем данного языка.

Как это ни странно, влияние немецкого на фонетику славянских языков минимально и касается скорее отдельных фонем, чем целой системы. В уже упоминавшейся работе [Michalk, Protze 1974] для ряда нижнелужицких говоров отмечается переход конечного [y] в [e], а также увулярное *r*. В статье [Schuster-Šewc 1972] автор утверждает, что за исключением увулярного *r*, характерного для ряда лужицких и западнопольских диалектов и имеющего недавнее происхождение, никаких следов глубинного влияния немецкого языка на лужицкую фонологическую систему не обнаружено. Отказывается Х. Шустер-Шевц относить к немецкому влиянию и переход $x > k^h$ в верхнелужицком, отмечая, что в последнее время наблюдается замена k^h на k (с. 364). Таким образом, аспирированное k^h оказывается промежуточной стадией перехода $x > k$, который характерен в определенных позициях для многих западнославянских языков. На наш взгляд, сам факт продолжительного (с XVII в.) k в верхнелужицком и отсутствие стадии $*kx < x$ может свидетельствовать о некотором влиянии немецкого, однако мы согласны с автором в том, что причины этого процесса являются специфическими для верхнелужицкого. Из других работ по данной проблематике см. [Michalk 1971], где описывается говор билингвалов, пользующихся лужицким и немецким языками. Изложенный в данной работе материал по звуковым переходам также не позволяет нам выделить изменения,

обусловленные немецким влиянием. Как мы уже упоминали, сегментная просодика славянских языков мало подвержена германскому влиянию. То же самое можно было сказать и о просодике супraseгментной. Правда, территориально близкие к немецкому чешский и лужицкие языки имеют, как и немецкий, ударение на первом слоге. При этом если в лужицком существует сильное динамическое ударение на первом слоге (см. [Трофимович 1977, с. 181]), то в чешском факт влияния не столь очевиден, поскольку ударный слог динамически выделен не столь четко, как в немецком или русском, см. [Широкова 1977, с. 70]. С другой стороны, в нижнелужицком отмечены колебания между начальным и предконечным ударением, что свидетельствует об исконно славянских тенденциях, противостоящих немецкому влиянию, см. [Калнынь 1967, с. 78—83].

Существует ряд работ, в которых освещается проблема фонологии заимствованных слов. В статье [Bielfeldt 1983] изложен материал по отражению гласного *e* как *(j)a* в заимствованиях из немецкого в лужицкий. Данные германских языков зачастую помогают определить датировку тех или иных процессов на основании анализа фонетического облика заимствований. В статье [Schwarz 1960] исследуются рефлексy вокалической долготы топонимов славянского происхождения в баварских диалектах. Э. Шварц рассматривал заимствованные из древнечешского топонимы, содержащие исходно долгий гласный. Дифтонгизация, происходившая в баварских диалектах в XII—XIII вв., позволяет установить приблизительное время заимствования: топонимы с дифтонгами относятся к ранним заимствованиям XII—XIII вв., ср. дчеш. *č̣ṛnidlo* — бав. *Schirnaidel*, топонимы без дифтонгизации представляют поздние заимствования, которые относятся к периоду после сокращения староакутовых долгот в западнославянских языках, протекавшего параллельно с дифтонгизацией в баварских диалектах, ср. дчеш. *močidlo* — бав. *Motzidel*. Исключение представляют слова, содержащие суффиксы *-ici*, *-ica*, долгота в которых сократилась в западнославянском раньше всего, — в заимствованиях с данными суффиксами дифтонгизация отсутствует.

В статье [Schwarz 1929] представлено исследование по датировке перехода **ū > u* в праславянском на основе изучения заимствований в славянских языках. Наиболее древние заимствования из германских диалектов в праславянский, содержащие *u*, имеют в современных славянских языках рефлексy праславянского **u (< *ū)*, ср. прагерм. *tun* ‘огороженное место’ — чеш. *týn* ‘город, огороженное место’, цслав. *тынъ* ‘ограда’, рус. *тын* ‘изгородь’; гот. *mōta*, **mūta* — старосл. *мыто* ‘пошлина’, гот. **mūtareis* — старосл. *мытарь* ‘сборщик податей’¹⁷. С другой стороны, праславянская фонема **u/ū* отража-

¹⁷ Как известно, готское *o* имело закрытый характер и обнаруживало тенденцию к переходу в *u*, что комментируется Е. Шварцем в данной статье, см. также [Гухман 1994, с. 22].

лась как и в заимствованиях из славянских языков, ср. прусский топоним *Rubinicha* при праслав. **rūba* ‘рыба’. Переход $\bar{u} > u$, начавшийся согласно Е. Шварцу в VIII в., а также изменения *au, o > ū* отразились на фонетической интерпретации заимствований, ср. дннем. *rūta* — луж. *ruta* ‘тысячелистник’, свнем. *brūn* — чеш. *bruny* ‘черный’, словен. *brūn* ‘коричневый’. С другой стороны, заимствованные из славянских языков после VIII в. топонимы не содержат рефлексов \bar{u} , ср. дбав. топоним *Ziur* из дсловен. **surь* ‘развалины’. В конце статьи автор касается перехода германских заимствованных имен *o*-склонения в славянское \bar{y} -склонение, а также позднейшего аналогического перевода заимствований из немецкого в \bar{y} -склонение в западнславянских языках.

До сих пор мы касались лишь проблемы взаимного влияния фонологических систем славянских и германских диалектов, не касаясь темы смешанных языков. Последней проблеме посвящена монография [Broch, Jahr 1984], содержащая наиболее полное описание языка «gussenorsk» — пиджина, которым пользовались русские и норвежские рыбаки, промышлявшие в Баренцевом и Норвежском морях. Данное исследование содержит раздел, посвященный теории смешанных языков, и включает краткую историческую справку о торговых контактах поморов и норвежцев. Книга снабжена подробным очерком грамматики со словарем и текстами, а также содержит краткий обзор предыдущих описаний gussenorsk.

В разделе, посвященном фонетике этого языка, дается перечисление основных отличий gussenorsk от русского и норвежского. Звуки, представленные лишь в одном из языков, заменяются на общие для обоих языков. Так, норвежское *h* в ряде слов заменяется на *g*, ср. рн. *gāv* ‘море’ — норв. *haf*, рн. *galannja* ‘полтора’ — норв. *halvanna*, но рн. *hal* ‘половина’ — норв. *halv* (с. 41). Русским *х, з, ж* соответствуют *k, s*, ср. рн. *q̄réka* — рус. *орех*, рн. *snai* — рус. *знай*, рн. *dāmōsna* — рус. *таможня*. Однако в записях, сделанных русскими, зафиксирован вариант рн. *prezentom* ‘дать’ вместо *presentom*, ср. также варианты *prinsipal* (норв.), *printsipal* (рус.) ‘капитан’¹⁸. Заметим, что в форманте, восходящем к окончанию 2 л. ед. ч. наст. вр. *-шь* в русском, употребляется *s* несмотря на то, что в норвежском существует фонема /š/, ср. рн. *kopisli* — рус. *купишь ли*, рн. *vros* — рус. *вредишь*. Также зафиксированы колебания в отражении русских смычных, ср. рн. *spasiba/basiba* ‘спасибо’, *strāsvi/drasvi* ‘здравствуй’, *damosna* ‘таможня’, *kak/gak* ‘как, когда’, *tva* ‘2’, *tvātsit* ‘20’. Авторы монографии считают, что подобное нерегулярное отражение смычных в gussenorsk обусловлено тем, что глухие смычные в норвеж-

¹⁸ Следует заметить, что пиджин имел две произносительные нормы. В нашей статье по умолчанию описывается норвежский вариант gussenorsk, который лучше записан.

ском, в отличие от русских, аспирированы. Поэтому неаспирированные глухие смычные в русских словах могут отождествляться с неаспирированными звонкими в норвежском. Для числительных *tva*, *tvatsit* И. Брок и Э. Х. Яр отмечают влияние саамского, через посредство которого, возможно, эти слова попали в *gussenorsk*, см. с. 42¹⁹.

В дополнение к вышесказанному необходимо коснуться вопроса палатализации и акцентуации в *gussenorsk*. Представленный в книге материал позволяет предположить, что палатализация существовала в речи как норвежских, так и русских моряков, использовавших пиджин, но в графике отражалась весьма нерегулярно. Палатализированными в *gussenorsk* были геминаты *ll*, *nn* в словах норвежского происхождения, а также начальные согласные перед гласными переднего ряда в русских словах, ср. рн. *burmain* наряду с *burmann* 'моряк', *ailsamma* или *altsamma* 'вместе', *galannja* 'полтора' < норв. *halvanna*, *djengi* 'деньги', *njed* 'нет', ср. также *njet* 'брат' из голландского *nemen* (с. 62). Непоследовательность в обозначении палатализации хорошо демонстрируется следующей фразой: *Бурманъ закрепило троса лита грань немножко* 'рыбак, закрепи немного трос' при норв. *burmann*, *grann* (с. 126). Текст с наиболее последовательным обозначением палатализации приведен на с. 98 и представляет собой запись стихотворного тоста, сочиненного и рассказанного русским моряком, но записанного норвежцем. В заключение стоит отметить, что палатализация в *gussenorsk* чаще всего получала обозначение у русскоязычных пользователей пиджина. В данной связи привлекаю внимание данные норвежского разговорника для русских, который был издан в XVIII в. Автор разговорника отмечал смягчение *l* перед *i* и *j*, а также палатализированный характер конечного *r* в норвежском, ср. *pengar* 'деньги', *tjuvar* 'воры', *sel'ja* 'продавать', *stul'it* 'украденное', см. с. 74. На наш взгляд, причиной подобного нечеткого различия между русским и норвежским вариантами пиджина могло послужить влияние русской графики, в которой различаются твердые и мягкие согласные, в то время как в норвежском палатализация не охватывает весь консонантизм и не обозначается на письме.

Ударение в *gussenorsk* разноместное: слова сохраняют место ударения языка-источника. Исключение составляют два трехсложных слова русского происхождения: *'sapagof* 'сапоги' и *'pēdisat* '50'. Во многих русских словах со вторым ударным слогом первый слог, как правило, содержит долгий гласный, ср. рн. *ō'reka* 'орехи', *spā'siba* 'спасибо', но *dū'mosna*, *dā'mosna* 'таможня', также императивы *prō'daj*, *klā'di*. Различается долгота гласного перед кластером, ср. рн. *prāšnik* 'праздник', *dōbra* 'хорошо', *strāsvi* 'здравствуй', *odināsit*

¹⁹ Отметим случаи замены *n* на *l*: рн. *regel* < норв. *regn* 'дождь', рн. *filmann*, *fielmain* < норв. *finn* 'саам'. Причины подобного перехода неясны.

‘11’, но *smōttrom* ‘смотреть’, *pjētnatsit* ‘15’, *đvinōsta* ‘90’, *djēngi* ‘деньги’. Характер распределения долгот показывает на изохронный характер *russenorsk*. Однако зафиксирован ряд написаний, которые можно интерпретировать как краткосложные слова, ср. рн. *stōva* ‘дом’, *kōna* ‘жена’ наряду с *konna*, *vōsim* ‘8’. Зачастую долгота ударного или предударного гласного в словах русского происхождения обнаруживает связь с фразовой просодией, ср. краткость в словах, употребляющихся изолированно, т. е. в императивах и числительных (*prodaj*, *kladi*, *vosim*, *divinosta*), в слове *yes* ‘да’, а также в служебном слове *kak* ‘как, когда’, однако *koda* ‘когда’, ср. также *ēta*, *etta* ‘это’. Данный материал показывает, что просодика *russenorsk* (в его норвежском варианте) отражала влияние словесной и фразовой просодики русского языка. К сожалению, в записях *russenorsk*, сделанных русскими, долгота никогда не отмечалась, что не дает нам судить о норвежском влиянии на просодику русского варианта пиджина, однако полученные нами выводы подтверждают факт одностороннего влияния славянских языков на просодику германских языков.

Смешанным языком (по крайней мере, в исторической перспективе), следует признать и идиш. В упомянутой выше монографии П. Векслера на основе косвенных данных (мнения еврейских ученых XVI в.) делается вывод о том, что носители идиш при употреблении графемы *h* как показателя просодической долготы опирались на данные западнославянских языков (верхнелужицкого), сохранявших количественный контраст между этимологическими долгими и краткими гласными. Х. Шустер-Шевц, однако, указал, что лужицкие диалекты утратили этимологическую долготу гласных еще в XII в. [Schuster-Šewc 1991: 199—203], поэтому речь может идти лишь о чешском субстрате. Безосновательно мнение Векслера о том, что консонантизм идиш отражает смешение сибилантов и шипящих *s / š*, *z / ž*, *c / č* (так называемое мазуреканье) в лужицком ареале: очаги мазуреканья, как известно, лежат за пределами лужицких диалектов — в Мазовии, северной Силезии и Полабии [Comrie 1991: 152]. При этом переход *c > č* отражен в только в нижнелужицком, где, однако, нет смешения *s / š*. Тем самым данных лингвистической географии для верификации гипотезы о иудео-лужицком языке недостаточно. Несмотря на субъективные недочеты книги Векслера и неразборчивость автора в подборке аргументов, основная мысль Векслера о том, что современный идиш возник в результате «частичной смены языкового кода с иудео-*славянского²⁰ на немецкий в процессе миграции евреев в двух направлениях — на запад в монолингвальную немецкую среду и на восток в Чехию и Польшу», представляется в общенаучном плане отнюдь не менее правдоподобной, чем более уважаемая теория М. и У. Вейнрейхов о том, что идиш возник вне

²⁰ В книге П. Векслера: «Judeo-Sorbian».

строго определенной территории и временных рамок как «фузионный» германский язык, ассимилировавший некие аморфные лексические и грамматические вхождения арамейских и славянских языков. Направленные против концепции Векслера возражения компаративистов и диалектологов не обязательно свидетельствуют о её ложности, и это знаменательно. Традиционная лингвистика — слишком слабое орудие реконструкции экстралингвистической реальности: строго доказать факт существования в IX—XIV вв. бесписьменного смешанного языка в славяно-германском ареале (при том, что нам точно известен этнос, способный на нем говорить!) столь же трудно, как доказать факт существования балто-славяно-германского языка на основе метода изоглосс.

В заключении раздела упомянем малоизвестную, но заслуживающую внимания книгу датской исследовательницы Ф. Хоустед, где доказывается наличие славянского субстрата на островах, лежащих к югу от Зеландии — Лолланде, Фальстере и Мёне [Housted 1994]. С учетом наличия многочисленных славянских топонимов на северном побережье Германии непосредственно южнее Лолланда, Фальстера и Мёна приводимые Ф. Хоустед южнодатские топонимы славянского происхождения с высокой вероятностью свидетельствуют о наличии на данных островах славянской (полабской или вендской) общины. Кроме того, имеются основания предполагать отсутствие компактной датской общины на данных островах по крайней мере до XIII в. Это означает, что практически все балтийское побережье, включая острова к югу от Зеландии, к началу второго тысячелетия н. э. оставалось славянским и было частично германизировано лишь в последующие века, путем политики внутренней колонизации в период укрепления немецких городов и скандинавских государств.

3. Параметры грамматики: стадиальная типология и компаративистика

Среди множества общих проблем славянской и германской грамматики, обсуждение которых имеет давнюю традицию, выделим две: эволюцию посессивных конструкций и эволюцию субъектно-предикатных отношений. Ход обсуждения обеих проблем в славистике и германистике показывает, что грань между стадиально-типологическим и сравнительно-историческим синтаксисом не является вполне четкой из-за того, что строго доказать общее происхождение синтаксической структуры — схемы предложения или группы определенного типа — даже в близкородственных языках почти невозможно, если время существования общего для них бесписьменного праязыка сильно отдалено от времени, когда зафиксированы первые письменные тексты. Поэтому реконструкция синтаксической парадигматики без типологической оценки праязыка немыслима. Компаративисты прошлого хорошо осознавали

эту связь; по существу, обе затронутые в нашем материале проблемы индоевропейской грамматики были поставлены уже Антуаном Мейе (1870—1941), который наметил и путь их решения. Мейе исходил из того, что современные славянские и германские языки, с одной стороны, и славянский и германский праязыки (возможно, как и более ранний праязык, к которому восходят праславянский и прагерманский), с другой, стоят на разных стадиях грамматической эволюции.

Согласно первой гипотезе Мейе, индоевропейские языки первоначально не имели переходных глаголов обладания с широким недифференцированным значением 'иметь' (ср. герм. **haban*, слав. **imēti*), такие глаголы появляются лишь в ходе позднейшего индивидуального развития в отдельных индоевропейских языках. До этого значения обладания выражалось в основном с помощью непереходной конструкции с глаголом «быть» и косвенным падежом посессора. Таким образом, стадильность здесь проявляется, во-первых, в отсутствии лексем типа герм. **haban*, слав. **imēti* в индоевропейском праязыке и их появлении в последующий период, а во-вторых, в смене свойственной индоевропейскому праязыку непереходной посессивной конструкции с глаголом «быть» переходной посессивной конструкцией с глаголом «иметь». Разумеется, отсутствие лексемы «иметь» в некоторых современных индоевропейских языках, по-прежнему предпочитающих непереходную посессивную конструкцию (ср. армянский), не означает автоматически, что данные языки сохранили прочие параметры раннеиндоевропейского синтаксиса в неизменном виде. Однако наличие лексемы «иметь» и переходной посессивной конструкции (ср. славянские, германские, романские языки) будет означать, что мы, во-первых, имеем дело с инновацией данных языков, а во-вторых, со стадильной эволюцией грамматической строя. Кроме того, наличие в некотором языке двух данных конструкций одновременно (ср. в латыни *mihi est* и *habeo*), согласно данной гипотезе, будет истолковано как свидетельство реликтового характера одной из данных конструкций, а именно — непереходной. Данная гипотеза Мейе в практически неизменном виде повторяется в компендиях и обзорных статьях по индоевропейскому синтаксису, ср. [Бенвенист 1974, 213], хотя против неё порой выдвигались эмпирические возражения; оспаривался статус непереходной конструкции как грамматического реликта в отдельных языках, приводились доводы в пользу вторичности некоторых посессивных конструкций с «быть» в истории отдельных языков, отмечалось диалектное варьирование, ставился вопрос о субстратном влиянии и контактном развитии славянских, германских и романских языков [Маслов 1949].

Согласно второй, более общей гипотезе Мейе, индоевропейское предложение характеризовалось принципиально иными отношениями между синтаксисом целого и его элементами, нежели в современных языках; не струк-

тура предложения накладывала селективные ограничения на состав и порядок его компонентов, а наоборот, наличный состав потенциальных составляющих моделировал предложения. Данный параметр Мейе назвал «автономностью»²¹.

Проявлениями синтаксической автономности слова Мейе считал отсутствие группы подлежащего и группы сказуемого, многовариантность конструкции предложения (личное vs безличное, глагольное vs именное), факультативность согласования, возможность однословных предложений, свободный порядок слов, наличие слов, совмещающих в себе функции разных частей речи [Meillet 1908; Мейе 1938, 359—365, 369]. Лингвисты XX в., за единичными исключениями, отнесли к идее Мейе как к типологическому конструкту, которому не соответствует ни один реально засвидетельствованный индоевропейский язык ср. [Адмони 1988, 162]. Вместе с тем, некоторые слависты и германисты сочли, что гипотеза Мейе перспективна для описания частных проблем исторического синтаксиса и прежде всего для анализа субъектно-предикатных отношений. Стадиальная гипотеза сразу позволяет представить частную проблему происхождения безличного предложения в индоевропейских языках в привлекательном виде как общую проблему синтаксической деривации: вместо априорных оценок первичности/вторичности односоставных или двусоставных высказываний (ср. негативную оценку работ в этом направлении со стороны двух ученых, имеющих мало общего по своему темпераменту — С. Д. Кацнельсона и Я. Ваккернагеля [Кацнельсон 1936; Wackernagel 1926, 117]) в качестве релевантного предлагается обсуждать механизмы перехода от двусоставного предложения к односоставному, и механизмы обратного перехода. Кроме того, открывается возможность изучать в качестве параметра структуру глагольных значений, ассоциированных с той или иной конструкцией предложения в древних славянских и германских языках. Параметр «автономности» в стадиальной эволюции славянского и германского синтаксиса обсуждался в работах Й. Зубаты, Б. Гавранка, А. С. Мельничука, К. И. Ходовой, В. Г. Адмони, А. В. Циммерлинга.

²¹ Любопытно, что гипотеза Мейе о синтаксической автономности слова, оставшаяся невостребованной в индоевропеистике, в 1970—1990 гг. была с успехом использована для описания неиндоевропейских языков с подвижным порядком слов и богатой словоизменной морфологией. Так, Д. Нэш начинает описание австралийского языка варльпири с программной декларации о том, что «никаких синтаксических категорий, кроме частей речи, которые могут быть определены в терминах словообразования», для грамматики варльпири не требуется [Nash 1986: 11], что «предложения варльпири порождаются просто как произвольные цепочки слов», а «слова порождаются со всеми присущими им морфологическими чертами» [Nash 1986: 13, ср. 1986: 162—165]. Нетрудно убедиться, что эти тезисы полностью эквивалентны программе Мейе.

3.1. Изучение непереходной посессивной конструкции. В 1949 г. Ю. С. Маслов опубликовал важную работу о стадийной эволюции посессивного перфекта; в ней, помимо фактов древних и новых славянских, германских и романских языков, широко обсуждался материал русских диалектов. Пафос статьи Ю. С. Маслова сводится к тому, что эволюция перфектных конструкций имеет свою внутреннюю логику, перфект проходит несколько стадий развития, внутреннюю форму перфекта нельзя понять, если связывать его генезис только с особенностями поверхно-синтаксических схем, с которыми он связан в конкретных языках. Автор ставит вопрос о «полигенезисе перфекта», т. е. его независимом развитии в языках с переходной и непереходной посессивной конструкцией, при этом высказывания, демонстрирующие переход от статального к акциональному значению типа сев.-рус. у кошки мясо съедено = кошка съела мясо признается инновацией независимо от того, как выражен субъектный компонент перфекта — косвенным падежом (как в данном примере) или прямым, как в части славянских (чешский, македонский языки) и во всех германских языках. Концепция Маслова, выдвинутая им в 1940-е гг., повторяется в последующих работах того же автора, в том числе в его последней книге «Очерки по аспектологии» (1984), а также во всех работах по аспектологии, учитывающих результаты Маслова.

Сопоставление славянского и германского материала намечено в ряде работ О. А. Смирницкой [Смирницкая 1969, Смирницкая 1970, Smirnickaja 1972], которая частично полемизирует с Ю. С. Масловым. Главный итог её работ — доказательство того, что в древних германских языках непереходная посессивная конструкция с маркировкой субъекта обладания косвенным падежом не исчезла полностью; дистрибуция посессивных и перфектных конструкций с герм. **haban* и непереходных схем с глаголом **wesan* 'быть' и сфера использования последних должна быть осознана как типологический параметр. Это позволяет исследователю обосновать следующую перспективу развития: в славянском посессор маркируется предложным родительным падежом, в германском — беспредложным дательным [Смирницкая 1969, 37]. На определенной стадии конструкция с «быть» и дат./род. п. оказывается в дополнительной дистрибуции с конструкцией с глаголом «иметь», что влечет изменение ее исходной семантики. Для славянского ареала типичным является сдвиг от посессивного значения к локативному, для германского — от посессивного к аффективному: *у меня есть / я имею брата, надежду* > *у меня есть надежда, я имею брата* [Смирницкая 1970]. Концепция Маслова—Смирницкой обладает рядом преимуществ по сравнению с более известной в нашей стране и на Западе концепцией А. В. Исаченко, который механически противопоставляет европейские языки с преобладанием непереходных посессивных схем с расширителем типа «у меня» и переходных схем с глаголом типа «иметь».

Близкий работам О. А. Смирницкой подход к становлению новых дативных конструкций в славянских и германских языках обсуждается в статье Ю. С. Степанова [Степанов 1984]; оба автора подчеркивают, что в смешении различных субъектных употреблений индоевропейского дательного падежа важную роль сыграли синтагматические факторы. Однако О. А. Смирницкая основное внимание уделяет анализу деривационных отношений между разными типами дативных конструкций, в то время как Ю. С. Степанов изучает возможность возникновения новых синтаксических моделей на базе межфразовых связей между соседними высказываниями, имеющими общую актантную позицию (конструкция *ἀπό κοινοῦ*).

Тот же круг идей обсуждается в публикациях других авторов, которые, однако, ограничиваются рассмотрением отдельных языков. Попытка учесть их результаты и нарисовать общую картину эволюции непереходных посессивных схем сделана в статьях А. В. Циммерлинга [Циммерлинг 1999, Циммерлинг 2000a]. Можно констатировать, что в некоторых языках и диалектах (древненовгородский, древнесаксонский, древнеисландский, часть норвежских говоров) круг возможных предикатов резко расширяется, глагол существования при этом может осмысляться как связка. В итоге посессивный по происхождению элемент превращается в универсальный расширитель односоставных и двусоставных схем различной семантики. В этой группе диалектов элемент *У МЕНЯ* (resp. герм. *МНЕ*) выражает недифференцированное агентивно-посессивное отношение, ср. рус. диал. *у кота мясо съедено* = *кот съел мясо*; *у него швы наложены* = *ему наложили швы* [Трубинский 1983, 223].

С другой стороны, расширение лексической базы причастий прошедшего времени (ср. рус. диал. *хозяйка уехана*) при ограничении непредикативного употребления (**уеханая хозяйка*) превращает причастия на *-но*, *-то* и севернорусские деепричастия на *-ши* в синтагматические эквиваленты глагола с малодифференцированным результативным значением. При этом семантика высказываний с вербоидом перестает непосредственно отражать направленность действия в коррелирующих с ними глагольных высказываниях. Ср. а) *он уехавши / уехан*; в) *стол поставивши / поставлено* [Обнорский 1953, 157; Кузьмина, Немченко 1971]. В германском данный процесс сдерживается ранней парадигматизацией перфекта с глаголом «иметь», но в ряде языков — немецком, древне- и новоисландском, современных норвежских диалектах — развивается и сохраняется результативная конструкция от непереходных предельных глаголов, которая частично противопоставлена перфекту [Смирницкая 1977, 40, 65; Берков 1983, 198; Lie 1989, 191]. Тенденции к превращению причастий в вербоиды и к расширению функциональной сферы посессивных сочетаний вполне осуществляются лишь в некоторых диалектах, находящихся

на периферии германского и славянского ареала: исландский язык, норвежские диалекты, македонский язык, диалекты русского Севера.

Среди других работ, где затрагивается проблема генезиса посессивных схем, следует выделить статью Х. Василева [Vasilev 1973]; основываясь на анализе функциональной сферы непереходной посессивной конструкции, автор доказал, что в южнославянских языках она является исконной и восходит по крайней мере к славянскому праязыку. Эмпирически важными являются также результаты А. А. Зализняка, который обнаружил непереходную конструкцию с посессивным расширителем *у* в языке древнейших новгородских грамот. При этом для языка грамот конструкция с посессивным беспредложным дат. п. нехарактерна; в то же время она встречается в древнейших южнорусских памятниках, а также в древнейших памятниках западнославянских языков. С учетом этого для славянского праязыка скорее всего следует реконструировать не одну, а несколько поверхностных схем непереходной посессивной конструкции. Для древних германских языков фактов диалектного или синхронного варьирования непереходной посессивной конструкции не обнаружено, поэтому для германского праязыка следует реконструировать единственную поверхностную схему предикатной посессивной конструкции, где субъект обладания маркируется беспредложным дат. п., а объект обладания — им. п.

3.2. Работы об эволюции славянского и германского перфекта.

А. В. Циммерлинг (Циммерлинг 1999а) стремится показать, что для ранних примеров славянского перфекта с *У МЕНЯ* и согласуемым причастием характерно значение «субъектного» результата. Для сходных германских примеров с *МНЕ* более характерно значение «адресатного» или «медиального» результата, ср.:

н.-в.-нем: *Euch* (DAT) *ist heute der Heliand geboren, welcher ist Christus*
Luth II, Luk 2, 11

букв. 'Вам сегодня родился Спаситель, который есть Христос' (обращение к Марии и Иосифу).

Ранным примерам славянского перфекта с *У МЕНЯ* и безличным причастием обычно свойственно значение субъектного результата, ср.:

др.-рус. *да аще оуслышано се будет оу князя* Усп. сб. 246 б 21—22.

'да услышит князь'.

Типологию развития перфекта с «быть» и косвенным падежом посессора принято усматривать в превращении расширителя *МНЕ / У МЕНЯ* из факультативного в обязательный компонент причастных сочетаний с грамматической направленностью [Маслов 1983, 52; Timberlake 1975, 565]. Имеются ос-

нования объяснять этот синтаксический сдвиг не только внутрисистемными факторами — переосмыслением внутренней формы посессивных сочетаний (данный аспект проанализирован Ю. С. Масловым [Маслов 1949]), — но и изменением сегментации текста.

Непосредственным источником субъектного компонента славяно-германского перфекта с «быть» были причастные конструкции с агентивным дополнением. Наиболее ранние примеры обнаруживаются у самых истоков письменной традиции:

др.-исл. *eini dægri var mér aldr um skapaðr* Sc. 13, 4—5,
букв. 'до единого дня была мне жизнь отмерена'

др.-рус. новг. *Жизнобоуде погублене оу Сычевиць* (Берестяная грамота 607/562 XI₂ [Зализняк 1995; 167])

Однако в эпоху первых письменных памятников грань, отделяющая эти конструкции от пассивных, неустойчива: позиция элемента МНЕ / У МЕНЯ не зависит от какого-либо одного члена предложения, но является детерминантом всей фразы. Поэтому соответствующие высказывания амбивалентны и им должно быть сопоставлено минимум два толкования:

моя жизнь отмерена — пассив (не сам субъект отмерял свою жизнь);
у меня жизнь отмерена = я имею жизнь отмеренной — перфект (кто отмерил, неясно) [Смирницкая 1970, 74]; .

Жизнобуд погублен в доме Сычевичей — пассив с локативным уточнением;

Сычевичи погубили Жизнобуда — акциональный перфект [Зализняк 1995, 228].

Неоднозначное субъектно-предикатное членение можно объяснить тем, что причастный трансформ соответствует большим отрезкам текста, которые могут оставаться в сверхфразовом единстве эксплицитно невыраженными. Окончательное размежевание ролей субъекта и локативного/бенефактивного дополнения происходит с окончанием младописьменной эпохи, когда модель *У X-а чайник потушен / белья наполощено, У дородного доброго молодца много было на службе послужено* утверждается в коротких текстах, где причастный вербоид может быть единственным предикатом. В севернорусских говорах данный процесс, по-видимому, хронологически совпал с разрушением новгородской государственности и упадком литературной традиции в XV—XVI вв.

3.3. Субъектно-предикатные отношения и механизмы деривации. К числу механизмов, восходящих к дописьменной эпохе, относится образование глагольно-безличных предложений без семантического субъекта (тип #V_{imp}).

Данный тип прослеживается во всем древнем славянском и германском ареале. В древних славянских языках, как показали Й. Зубаты и Б. Гавранек, а также в некоторых древних германских языках переход от двусоставного предложения в односоставному не всегда семантически мотивирован. Реликтами ранней стадии следует считать прежде всего сохранение однословных предложений (подтип # V_{imp} # — ср. рус. моросит, светает) и возможность перехода от двусоставного глагольного предложения к безличному без изменения лексического значения глагола и залоговых отношений, ср. др.-рус. на Дунаеви Ярославнынь глась слышитъ (Слово о полку Игореве): X слышитъ Y-а. В историческую эпоху бессубъектные высказывания с глаголом в 3 л. ед. ч. активного залога образуют дополнительную дистрибуцию с конструкциями, специально маркирующими элиминацию актантов, ср. слышитъ ся, слышно, возможно услышать. Закрепление односоставных высказываний с глаголом в 3 л. ед. ч. за стандартными, формульными контекстами проявляется независимо от типа памятника. Вместе с тем частота данных высказываний и репертуар лексем, допускающих безличное оформление, зависит от жанра текста. Симптоматично, что канцелярской формуле древнерусских грамот пишет в древнеисландской саге — жанре, восходящем к устной традиции, — соответствует формула *segir* 'говорит'.

Данные работ Й. Зубаты, Х. Педерсена, А. Хойслера, Б. Гавранка показывают, что в прагерманском и праславянском, вопреки господствующему мнению, не было так называемых собственно безличных лексем, т. е. предикатов, возможных лишь в рамках односоставного предложения; к сожалению, четкий вывод об этом у большинства названных авторов отсутствует. Общей предпосылкой формирования построения # V_{imp} , действовавшей на протяжении всего дописьменного периода, было то, что глагол не предполагал фиксированного набора актантов. Отсюда, с одной стороны, возможность спорадического сочетания глаголов, преимущественно употребляющихся безлично, с подлежащим в им. падеже — тип **дождь дождит*, старосл. Зогр. Л. 17, 29, с другой — бесподлежащее оформление глаголов, преимущественно употребляющихся в личной конструкции — типа др.-рус. на Дунаеви Ярославнынь глась слышитъ, др.-исл. *veit* букв. 'знает'.

В языках древней церковной традиции — старославянском и готском — некоторые лексемы отмечены только как безличные, хотя не исключено, что мы имели бы и примеры альтернативного употребления, если бы в нашем распоряжении было большее количество памятников. Данные других языков часто указывают на различное географическое распределение конкурирующих моделей. Так, согласно И. Лекову, двусоставный тип *дождь дождит* более частотен в восточнославянском, верхне- и нижнелужицком, односоставный тип *дождит* — в чешском и словацком, в южнославянских языках и в

польском они представлены равномерно [Леков 1967]²². В германском ареале в древневерхнемецком преобладает двусоставный тип (с формальным подлежащим) *es schneit* 'идет снег', букв. '(оно) снежит' [Behaghel, II: 127], в древнеанглийском оба типа представлены более равномерно [Колесникова 1974: 10,15], в древнеисландском двусоставный тип при *verba meteorologica* отсутствует [Heusler 1913: 164 сл.; Смирницкая 1972: 65]. С точки зрения типологии синтаксических систем это означает, что в языках типа древневерхнемецкого действует требование на заполнение субъектной позиции предложения, которая замещается семантически пустым элементом — формальным подлежащим, в языках типа древнеисландского действует запрет на её заполнение при безличном глаголе — так называемый принцип синтаксического нуля («нулевой субъектный параметр»), что представляет собой более редкий случай; в системах обоих типов заполнение или вакантность субъектной позиции при *verba meteorologica* служит формальным признаком всех высказываний с данной группой безличных предикатов. В языках типа древнеанглийского заполнение или незаполнение субъектной позиции не является жестким структурным требованием, *verba meteorologica* лишены здесь единых синтаксических маркеров. Большинство славянских языков соответствует именно последнему случаю; как правило, сохраняется возможность факультативного заполнения позиции субъекта, либо, напротив, опущения элемента, выполняющего роль формального или тавтологического подлежащего — ср., с одной стороны, рус. *гремит, сверкает, дождит, снежит, моросит*, с другой — рус. *гром гремит, молния сверкает, снег идет, дождь идет/моросит* и т. п.

И в славянском, и в германском безличное построение часто дают глаголы со значениями начинания/завершения, избыточности/недостаточности, долженствования: симптоматично, что семантические группировки «безличных предикатов», выделяемые В. Л. Георгиевой в старославянском и М. Нюгором в древнеисландском, совпадают почти полностью [Nygaard 1906, 14—15; Георгиева 1969, 74]. Тем не менее почти все глаголы данных групп дают и лич-

²² Характеристика западнославянского синтаксиса, которую дает Й. Леков, неточна, так как в пределах одного языка может сохраняться несколько схем реализации одних и тех же предикатных значений. Так, в верхне- и нижнелужицком языках, имеющих формальное подлежащее *wón / wone / wono / to* 'этот / это, то', последнее нигде не является обязательным компонентом предложения. Как показал Й. Шустер-Шевц [Schuster-Shevč 1974], все диалекты, использующие для реализации метеорологического предиката «двусоставную» схему с формальным подлежащим, допускают при том же предикате односоставную схему, ср. возвратный глагол *so dešćuje* 'идет дождь':

а) в.-луж. *Wón no nje dešćuje, dokelžje zyta* 'Дождя нет, так как холодно', букв. 'Этот (форм. п.) себе не дождит, так как холодно';

б) в.-луж. *so nje dešćuje, dokelžje zyta* 'то же'.

ное построение [Ходова 1980, 267], а семантическая сфера модели $\#V_{\text{imp}}$ остается незамкнутой. Наиболее ясно это видно на материале древнеисландской прозы: большой корпус памятников и их разнообразие позволяют установить, что элиминация подлежащего при *любом* двусоставном глаголе дает полные безличные высказывания: $N_{\text{пот}} - V_{\text{fin}} > \#V_{\text{imp}}$, ср.: др.-исл. *ok sá hvárigán stafn frá öðrum* Fr. VI, 4 ‘и с кормы не было видно носа и наоборот’, букв. ‘и не видел ни одного штевня (корабля) с другого’.

Нет необходимости соглашаться с мнением Й. Зубаты и Б. Гавранка о том, что славянский тип $\#V_{\text{imp 3 sg}}$ (др.-рус. *пишет*, чеш. диал. *ten kraj uvidí u starých lidi* букв. ‘тот покров увидит у старых людей’ и т. п.) представляет собой промежуточную зону от двусоставной конструкции к безличной [Zubátý 1954, 450—465; Havránek 1962, 75—76; ср. также Мельничук 1966, 148—149; Ходова 1980, 265]. В то же время Б. Гавранек и его последователи, безусловно, правы в том, что данная модель рано теряет продуктивность и в разных славянских диалектах замещается при помощи разных конструкций — возвратной либо обобщенно-личной с глаголом во 2/3 л. мн. ч. В германских языках аналогичную функцию выполняет формальное подлежащее [Brugmann 1925, 22, Behaghel, II, 139]. Развитие формального подлежащего (*ono/vono, to*) в ряде западнославянских языков (чешский, лужицкие), по мнению ряда исследователей, также обусловлено средне- и новонемецким влиянием, т. е. ареальными контактами славянских и германских языков [Trávníček 1956, 22].

В отдельных языках — в первую очередь в древнеисландском и в древнечешском конструкция $\#V_{\text{imp}}$ удерживается сравнительно долго. Для древнеисландского это объясняется тем, что эпическая традиция не исчезла с появлением письменности: в XIII—XV вв. еще господствуют жанры текста, восходящие к дописьменной эпохе. В языке саг элементарное предложение остается слабо структурированным, поэтому сохраняется синтагматическая предпосылка порождения бессубъектных глагольных высказываний — опущение актанта там, где он восстанавливается из предыдущей части текста или где он коммуникативно нерелевантен. Часть древнечешских высказываний, построенных по модели $\#V_{\text{imp}}$ тоже можно непосредственно объяснить правилами построения крупных фрагментов текста. Другая группа древнечешских примеров, которая обсуждалась чаще, связана с клишированными частями текста. Фр. Травничек высказал мысль о том, что модель $\#V_{\text{imp}}$ использовалась в истории чешского языка для выражения значения «внезапно прерванного действия» [Trávníček 1956, 32]. Это наблюдение верно, хотя данная характеристика имеет отношение не столько к синтаксической семантике модели, сколько к синтагматическим ограничениям на ее реализацию в тексте. В памятниках XIV—XV вв. модель $\#V_{\text{imp}}$ появляется прежде всего в отступлениях от основной линии повествования, комментариях и вводных оборотах.

Нередко при этом реальное положение дел противопоставляется возможному: так, модель #V_{imp} часто реализуется в предложениях условия или долженствования/возможности: др.-чеш. *plovíce tehda z Cypru do Tíru... Připlůti moz jednoho dne a jedné noci* Каб., букв. ‘плывя из Кипра в Тир, приплыть может за сутки’ ≡ ‘можно проплыть за сутки’ или: ‘если кто поплывет, то доплывет за сутки’.

Другое типичное модальное значение — сравнение:

др.-чеш. *by ot břéha pláne taká, jakz by mohl dovrci z praka* Алх., букв. ‘была у берега такая равнина, как будто бы из пращи мог добросить’;

др.-чеш. *jako by řekl* Štit.

букв. ‘как если бы сказал’; т. е. ‘как говорится’, ‘как принято говорить’.

В последних примерах мы имеем дело уже со вторичным использованием модели #V_{imp} и превращением ее в синтаксическое клише, застывшую фразеосхему. Конечную стадию развития показывает современный чешский язык, где схема #V_{imp} допускается лишь в жанре поговорки, т. е. внутри короткого текста, соединяющего актуальное положение дел с родовым:

чеш. *mlčí, jako by mu ústa zašil* букв. ‘молчит, как будто бы ему рот зашил’ (подобные обороты уже воспринимаются многими информантами как устаревшие либо нелитературные);

Единичные примеры фразеосхем с безличным глаголом в форме мужского рода есть и в словацком языке [Pauliny, Ružička, Štolz 1968: 370].

История славянских языков показывает, что лексические и синтаксические ограничения на использование модели #V_{imp} не всегда сопутствуют друг другу. В большинстве языков происходит лексикализация модели, схема #V_{imp} закрепляется за строго определенными лексемами: болг. *може, пише, няма, има* ‘es gibt’, польск. *pisze, nie pisze*, др.-рус. *пишетъ*, укр. *нема*, др.-чеш. *najde, nalezne* ‘man findet’. Критерием лексикализации служит возможность свертывания высказывания до ядерного слова. В древнечешских памятниках XIV—XV вв. круг глаголов, допускающих построение #V_{imp}, довольно широк (не менее 20—30 лексем), однако сама конструкция тяготеет к клишированным частям текста и постепенно превращается во фразеосхему. При этом сохранение глагольной группы (т. е. зависящих от глагола слов) часто является условием правильного распознавания синтаксиса поговорок и клише.

Сходные факты обсуждаются и в ряде других работ, где, однако, полностью отсутствует стадийная или типологическая перспектива. В целом стадийное изучение синтаксической парадигматики представляется перспективной и незаслуженно забытой областью исследования славистов и германи-

стов. Достижение конечной цели таких исследований — реконструкция не синтаксических структур как таковых, а параметров их построения — технически трудное, но осуществимое дело.

3.4. Исследования в области порядка слов. Сентенциальные клитики и закон Ваккернагеля. Наиболее часто обсуждавшейся проблемой поверхностного синтаксиса, обсуждавшейся в связи с фактами славянских и германских языков, является сходство принципов линейного упорядочения славянских сентенциальных клитик и финитных форм глагола в германских языках: обе категории элементов имеют фиксированное место и тяготеют к второй позиции от начала предложения, в то время как альтернативные расположения германских глагольных форм / славянских сентенциальных форм либо не допускаются, либо ограничиваются. Сходство германских систем, где есть параметр «финитный глагол не может стоять во второй позиции от начала предложения»²³ (далее сокращенно V2, V= Verbum finitum) и славянских систем, где есть параметр «сентенциальная клитика нормально размещается после первого ударного слова» (далее сокращенно W2, W= Wackernagel clitic), имеет не только синхронно-типологический, но и сравнительно-исторический аспект: предполагается, что финитные формы индоевропейского глагола атонировались в главном предложении и в этом случае примыкали к первому ударному слову, т. е. упорядочивались точно так же, как местоименные и наречные клитики [Wackernagel 1892/1953: 425—430; Delbrück 1911]. Данный принцип, более 100 лет назад открытый Б. Дельбрюком и Я. Ваккернагелем и носящее имя последнего²⁴, иллюстрируется фактами разных индоевропейских

²³ Данный параметр имеется во всех современных германских языках, кроме английского. Более точно, в английском языке есть отдельные эффекты ограничения V2 в вопросительных предложениях и в коммуникативно ненейтральных повествовательных предложениях с инверсией субъекта вида XP—V—S, ср. англ. *Not for nothing [took] he reside in a slide area*, однако снят запрет на размещение более одного члена предложения перед глаголом. В исторической перспективе данная особенность английского языка является поздней инновацией. Параметр V2 жестко выдерживается во всех древних германских языках, кроме языка старших рунических надписей (III—VI вв.). Существуют сомнения в том, что германские надписи старшими рунами являются синтаксически связными. См. обсуждение в [Циммерлинг 1999а].

²⁴ Дельбрюк первым открыл данный закон на древнеиндийском материале (что указал в своей статье Ваккернагель [Wackernagel 1892/1953: 402]) и позже пытался подвести под него данные древнеисландского языка. Ваккернагель первым обобщил принцип размещения энклитик как закон построения индоевропейского предложения и подчеркнул, что в каждом индоевропейском языке действуют свои правила рангов, т. е. упорядочения клитик внутри цепочки контактно стоящих клитик. Около 70% статьи Ваккернагеля занимает ана-

языков. Наиболее регулярно он действует в двух классических языках — ведическом древнеиндийском и гомеровском древнегреческом. Авторитет данных языков и древность соответствующих памятников послужили источником убеждения, что в индоевропейском праязыке правило клитизации к первому ударному слову фразы, независимо от частеречного статуса сентенциальной клитики и наличия тесной грамматической связи между ней и ударным словом, носило характер формального закона (по мнению А. Мейе — единственного синтаксического закона, развившегося в праиндоевропейский период [Мейе 1938, 369]), а отступления от него объясняются сменой синтаксического типа. Поэтому, с точки зрения классической компаративистики, отдельные эффекты закона Ваккернагеля, наблюдаемые в древних славянских и германских языках, заведомо не могут подтвердить сепаратные синтаксические сходжения двух данных семей, но зато могут свидетельствовать об архаичности грамматического строя в эпоху записи первых памятников.

К сожалению, за последние 100 лет компаративисты так и не представили внятных доказательств того, что ограничение V2 в германских языках генетически восходит к индоевропейскому ограничению W2. Б. Дельбрюк [Delbrück 1911], первым четко сформулировавший принцип V2 как запрет на уход финитного глагола вправо дальше второй позиции от начала независимого повествовательного предложения, исследует в основном контексты появления высказываний с порядком V1 в языке древнеисландской прозы и приходит к выводу, что начальный финитный глагол был ударным, а при порядке V2 мог атонироваться. Однако есть контрпримеры, где финитный глагол несет главный фразовый акцент и при порядке V2. Х. Кун [Kuhn 1933] исходит из предположения, что принцип W2 сохранялся в языке скандинавской аллитерационной поэзии, причем финитные формы глагола и эксплетивные частицы *of* и *im* (функционально соответствуют западногерманским превербам) образуют комплементарную дистрибуцию, попеременно занимая позицию в спаде аллитерационного стиха: если глагол коммуникативно выделен, он отодвигается вправо частицами *of* и *im*. Анализ Куна основан на некорректном отождествлении

лиз клитик в древнегреческих памятниках, подробно разбираются также латинские клитики [id., 406—425], упоминаются факты древнеиндийского, древнеперсидского и германских языков [id., 402—405]. Знаменательно, что Ваккернагель начинает свою статью с опровержения ложного объяснения происхождения цепочек др.-греч. *μή μιν*, дринд. *mā sma*, данного компаративистом А. Тумбом: автор показывает, что параллелизм расположения *μή μιν* и *mā sma* следует объяснять не предполагаемым происхождением др.-греч. (гом.) вин. п. *μιν* 'его' из **im + (s)ma*, а общим принципом размещения цепочек клитик после первого ударного слова [Wackernagel 1892/1953: 332—342]. Аналогичный поворот от генетического объяснения к типологическому, как показал опыт лингвистики XX в., характеризует и сдвиги в понимании самого закона Ваккернагеля.

краткой строки аллитерационного стиха и простого предложения и на ложном тезисе о том, что прагерманский язык имел базовый порядок SOV; последний тезис без серьезной аргументации повторяет У. Ф. Леман, который реконструирует порядок SOV для индоевропейского праязыка [Lehmann 1974]. Ср. критику в [Циммерлинг 1999а]. Диссертация Н. Л. Огуречниковой [Огуречникова 1994] предлагает анализ древнеанглийских модификаторов глагола как фразовых частиц, т. е. в индоевропейской перспективе, как сентенциальных клитик, размещавшихся в соответствии с законом Вакернагеля и не имевших фиксированного места по отношению к форме глагола. Автору удается показать, что древнеанглийские модификаторы *be*, *ymb*, *tō* в памятниках IX—XI вв. не являлись чистыми превербами или поствербами и могли занимать разное место в глагольно-объектных синтагмах, выступать как в роли приставок/предлогов, так и в роли послелогов/поствербов. Таким образом, категоризация др.-англ. *be*, *ymb*, *tō* как «фразовых частиц» имеет под собой основания. Однако из приводимого материала недвусмысленно вытекает, что дистрибуция древнеанглийских фразовых частиц на синхронном уровне не удовлетворяет принципу W2, так как между ними и другими слабоударными элементами могут помещаться ударные члены предложения. Ср. наряду с др.-англ. *him bēah tō* 'ему (под)чинился *pod*', *him tō bigon* 'ему *pod* чинились' пример др.-англ. *ond him bēah | eall folc | tō* «и им (под) чинился | весь народ | *pod*», где между E = *him*, V° = *bēah* и P1 = *tō* вклинивается ИГ *eall folc* 'весь народ'.

Таким образом, приходится констатировать провал германистов и индоевропейцев в двух направлениях: 1) им не удалось удовлетворительно объяснить порядок V2 в терминах фразовой просодии/атонирования финитного глагола на примере какого-бы то ни было реально засвидетельствованного германского языка 2) им не удалось показать, что спад предложения мог быть занят словами других классов, помимо глагола. Поэтому вызывает удивление легкость, с которой С. Андерсон [Anderson 1993] и его последователи объявляют ограничение V2 «застывшим принципом W2». Можно допустить, что унификация места ударного и безударного глагола является результатом грамматической аналогии, но никакой аналогией нельзя объяснить переход от системы, одинаково размещающей все слабоударные элементы предложения, к системе, чувствительной к позиции единственного типа клитик — финитного глагола.

Главным эмпирическим открытием славистов в реферируемой области мы признаем данное А. А. Зализняком описание сентенциальных клитик в древненовгородском диалекте [Зализняк 1993, Зализняк 1995]. Автор не только вывел правила рангов новгородских клитик и доказал, что древненовгородский диалект XI—XIV вв. строго следовал принципу W2, но и объяснил феномен отхода клитик вправо дальше второй позиции структурными и коммуникатив-

ными факторами. Древненовгородские тексты (берестяные грамоты, диалогические фрагменты летописей) подтвердили предположение, что размещение клитик после первого ударного слова — естественная стратегия развертывания устного сообщения. Но даже в памятниках, наиболее близких к устной речи, сентенциальные клитики и цепочки клитик не могут быть предметом логико-семантических операций (контраст, сочинение, противопоставление, добавление). Если высказывание с цепочкой клитик начинается с коммуникативно выделенного элемента, «вакернагелевская область» сдвигается вправо. Ср. в *недоворехъ* (вынесенный топикальный элемент) // *плати ми сѧ животиню* [Зализняк 1993, 288]. Тем самым значительная часть контрпримеров, выдвигавшихся против отнесения древних славянских языков к типу W2, была снята. После работы Зализняка стало очевидно, что поддержание принципа W2 не скоррелировано с сохранением генетического состава сентенциальных клитик: так, энклитические местоименные формы дат. п. *ми, ти, си* являются индоевропейскими, а энклитические местоименные формы вин. п. *мя, тя, ся* являются общеславянской инновацией. Однако на синтаксическом поведении оно не отражается²⁵. Тот же подход следует распространить на клитики, возникшие в отдельных славянских языках в более позднее время. К примеру, в сербохорватском, болгарском и македонском вспомогательный глагол будущего времени «хотеть» превратился в клитику (болг. *ще*, мак. *ќе*, србхрв. *ће*).

Главными теоретическими достижениями славистов в реферируемой области мы считаем акцентную классификацию раннеславянской лексики, предложенной Р. О. Якобсоном [Jakobson 1935] и признание современных южнославянских и западнославянских языков в качестве живых языков типа W2. Тем самым закон Вакернагеля окончательно перестал восприниматься как теоретический конструкт, постулированный для отдаленного праязыка. Этот сдвиг следует занести в актив авторам коллективной монографии «Клитики в языках Европы», подготовленной в рамках проекта EuroType [Clitics]. Вместе с тем данная монография страдает органическими недостатками, проистекающими из узкой теоретической базы — грамматики Хомского: описание неполно, часто поверхностно, многие авторы трактуют правила размещения клитик не как автономный механизм линеаризации, а как довесок к формальным правилам, порождающим дерево предложения²⁶.

²⁵ Ср. выше пример обратного распределения из древнеанглийского языка, который сохранил древние фразовые частицы *be*, *umþ* и *ið*, но не трактует их как сентенциальные клитики.

²⁶ Наглядным проявлением этого служит уже базовое терминологическое разграничение *простых* и *специальных* клитик, расходящееся с принятым в традиционной европейской лингвистике разграничением *сентенциальных* и *локальных* клитик. *Специальными* клитиками современные формалисты называют любые элементы, занимающие позиции,

В статье [Jakobson 1935] предложено различать ортонические словоформы, всегда сохраняющие ударение, клитики²⁷, и энклиноменальные, т. е. атолируемые формы. По интерпретации Якобсона, лишь ортонические формы имеют «фонологическое», т. е. подлинное словесное ударение. Данная кон-

зарезервированные за слабоударными словоформами и недоступные полноударным словоформам; данный класс, таким образом, шире класса сентенциальных клитик, объединяющего слабоударные элементы, относящиеся не к определенной составляющей предложения, но ко всей предикации в целом. Класс *простых* клитик примерно совпадает с классом локальных клитик. Сюда относятся неизменяемые неаргументные и непредикатные слова с модальным и дейктическим значением, не являющиеся обязательными компонентом схемы предложения и в традиционной грамматике называемые частицами, ср. рус. *же, ли, то*. Локальные клитики или локальные частицы в структурно-семантическом плане жестко соотнесены со смежными элементами; поэтому в формальной грамматике их удобно задать путем операции вставки между ранее упорядоченными полноударными элементами предложения (что заведомо невозможно применительно к сентенциальным клитикам). Согласно теориям европейских генеративистов (А. Хольмберг, А. Кардиналетти, М. Штарке), противопоставление специальных клитик полноударным элементам можно задать как тернарное, добавив в качестве промежуточного звена так называемые *слабые* категории, графически омонимичные полноударным, но атолируемые в определенных позициях. На практике, однако, в научной литературе обсуждалась графическая омонимия одного класса слов — местоимений; трудно отделаться от ощущения, что различие «слабых», «сильных местоимений» держится лишь на неполном соответствии письменной и устной нормы тех современных литературных романских и германских языков, где «местоименные клитики» официально не признаны в качестве особого класса выражений. При этом в качестве эталона берется письменный вариант литературной нормы. А. Кардиналетти и М. Штарке пытаются доказать, что «слабые» местоимения объединяются с клитиками и всегда занимают в структуре предложения позиции, отличные от позиций «сильных», однако Л. Хеллан и К. Платцак это отрицают, ссылаясь на факты современных скандинавских языков, где различие между местоименными и неместоименными аргументами более релевантно для линейной схемы предложения, чем различие между разрядами местоимений. Ср. примеры из норвежского языка: норв. *Ola gav [henne/a] ikke appelsinen* 'Ула не дал ей/е (1) апельсин' букв. 'Ула дал ей/е не апельсин', где ИГ *appelsinen* 'апельсин' предшествует отрицанию *ikke*, а просодический тип местоименного косвенного дополнения нерелевантен, и пару примеров норв. *Ola gav henne (1) den (2) ikke* 'Ула дал ей (1) его (2) не' = норв. диал. *Ola gav 'a (1) 'n (2) ikke* 'Ула дал'ей (1)'во (2) не', где цепочка из двух любых слабоударных местоименных дополнений, независимо от их длины, будет стоять перед отрицанием. Сомнения возникают и при анализе языков с более свободным порядком слов, чем норвежский. Так, для разговорного русского характерны местоименные формы дат. п. *те* и *се*, которые обычно ведут себя как клитики. Но отсюда едва ли следует, что надо постулировать для них особые позиции в парах типа рус. *Чо те надо, парень?* vs рус. *Чо тебе надо, парень?*, *А он се (= себе) в ус не дует*, ср. также примеры с выносом *те* /*Тебе* в начало предложения *Те чо надо?* vs *Тебе чо надо?* и т. п.

²⁷ В праславянском языке к классу про- и энклитик относилось около 50 элементов.

цепция получила плодотворное развитие в славистике и русистике, см. работы В. А. Дыбо и А. А. Зализняка, упомянутые выше в разделе 2. Вместе с тем, попутно в данной работе Р. А. Якобсон высказал ряд спорных и неverified утверждений о связи параметров звукового и грамматического строя. Так, Якобсон утверждал, что исчезновение сентенциальных клитик в части славянского ареала есть прямое следствие изменения фонетической природы словесного ударения от музыкального к динамическому. Еще более спекулятивный характер носит тезис Якобсона о том, что все предложения праславянского языка были на глубинном уровне двусоставными, поскольку финитные и согласовательные категории могли выражаться формами связки «быть», в то время как развитие односоставных предложений в восточнославянских языках обусловлено опущением связки. Все эти идеи интересны сами по себе, но не способствуют оптимальному описанию славянских клитик.

Монография [Clitics] изобилует априорными утверждениями иного рода. В центре внимания авторов — вопросы формального порождения сентенциальных клитик и разграничение компетенции просодики и синтаксиса. Часть ученых полагает, что на глубинном уровне цепочки клитик порождаются в правой части предложения и затем переносятся во вторую, «вакернагелевскую», позицию путем операции перемещения (movement). Такого рода операции признаются собственно синтаксическими. Другая часть ученых полагает, что цепочки клитик надстраиваются над первым ударным словом предложения (right adjointment); такого рода операции называются просодическими, поскольку грамматика Хомского запрещает линейное перемещение категорий слева направо²⁸. Подобного рода псевдопроблемы отвлекают от осмысления реальных различий между славянскими языками и вносят сумбур в изложение, тем более что авторы коллективной монографии не придерживаются единой точки зрения. К примеру, болгарская исследовательница М. Димитрова-Вулканова ратует за «синтаксическое» объяснение дистрибуции бол-

²⁸ Более экстравагантный подход пропагандирует типолог С. Андерсон. В работе [Anderson 1993] все правила упорядочения элементов предложения, включая эффекты закона Вакернагеля, отнесены к компетенции... морфологии. Это причудливое решение, как утверждает автор статьи, внушено аналогией между линейной схемой предложения в языке с жестким порядком слов (ср. английский, датский) и структурой знаменательного слова с большим количеством аргументных аффиксов в языках, чувствительных к ролевой семантике актантов (навахо, дырбал). Между структуралистскими теориями структуры слова (Ф. Боас, С. Андерсон) и схемы предложения (П. Дидериксен, С. Н. Кузнецов) действительно есть сходство, но оно вносится не морфологической природой предложения, а использованным эвристическим приемом — описывать сложные объекты, имеющие линейную протяженность, в качестве матрицы или базы данных, устроенной по типу телефонной книги, где каждый элемент имеет свою «клетку» или «столбец».

гарских и македонских клитик, признавая возможность объяснения сербохорватских и чешских в просодических терминах. Напротив, Д. Чавар и К. Уайлдер, описывающие (сербо)хорватский язык, убеждены, что клитики необязательно составляют с начальным элементом единую тактовую группу, поэтому синтаксическое объяснение является единственно возможным. Статья Чавара и Уайлдера называется «Клитики на третьем месте в хорватском языке»; материал работы заставляет думать, что позиция клитик определена неверно, и они упорядочиваются не относительно начала независимого финитного предложения, а относительно начала произвольной предикативной группы. Как в сербохорватском, так и в других южно- и западнославянских языках зарегистрированы колебания в размещении отдельных клитик и их цепочек; большинство из них можно удовлетворительно объяснить описанными А.А.Зализняком на новгородском материале эффектами «барьера».

Факультативными коммуникативными барьерами в современных славянских языках служат начальные группы с топикальным²⁹, кванторным и ограничительным значением. Ср. с.-хорв. [*u njegovi motornom čamcu*] (1) *se*-Cl (2) *moгу odvesti izwan grada* букв. '[на его моторной лодке] (1) *ся* (2) можно отправить из города' → [*u njegovi motornom čamcu*] (1) // [*moгу*] (2) *se*-Cl (3) *odvesti izwan grada*. Грамматикализованными барьерами, разбивающими цепочки клитик или нарушающими их порядок, служат определенные категории предложения, например, отрицание в болгарском³⁰. Ср. примеры, приводимые М. Димитровой-Вулкановой [Clitics: 95]. *Майка* (1) [*не* (2)] *го*-Cl (3) *пуска* 'мать (1) / [*не* (2)] / *не* (3) его (2) отпустила'. Исходный порядок *Майка* (1) *го*-Cl (2) *не* (3) *пуска* 'мать (1) его (2) не (3) отпустила', как указывает автор, по-прежнему сохраняется в ряде болгарских диалектов; тем самым, отрицание *не* в этих диалектах барьером не является. Возмущающее влияние, кроме того, оказывают некоторые контексты с однородными членами, эллипсисом или

²⁹ Правило, разрешающее помещать в болгарских общих вопросах перед цепочкой клитик группы вида [ИГ + глагол] и [ИГ + союз], скорее всего, нужно интерпретировать как грамматикализованный барьер, так как предложения обсуждаемого типа открываются топикальной ИГ, ср. блг. *Книгата*, // *даде ли му я?* 'Дал ли ты ему эту книгу?', букв. 'Эта книга; // дал-ты ли ему *ее*?', блг. *Книгата*, // *дали му я дадоха?* 'Дали ли ему эта книга?', букв. 'Эта книга // ли ему *ее*, дали-они?'. Наша интерпретация поддерживается тем, что повествовательных предложениях группы вида [ИГ + глагол] перед цепочкой клитик запрещаются, ср. *блг. *Книгата*, // *дал съм му я?* 'Я дал ему эту книгу', букв. 'Эту книга; // дал есмь ему *ее*' [Clitics: 92].

³⁰ В древнегреческом языке отрицание тоже вело себя как барьер, отодвигающий местоименные клитики на шаг вправо, что установил уже сам Ваккернагель, который квалифицировал примеры типа Р 410 *vñv ð' / oñ-Neg / oi* не как исключение, а как частный случай реализации своего закона [Wackernagel 1892/1953: 336].

сменой подлежащего, ср. с.-хорв. *Ivan ga-Cl-ARG (1) je-Cl-AUX (2) vidio* 'Иван его (1) связка (2) видел', местоименная клитика предшествует связке, но *Ivan_i je-Cl-AUX vidio auto, [i pro_i kupio je-Cl-AUX (1) ga-Cl-ARG (2)]* 'Иван_i связка видел машину [и pro_i; купил связка (1) её (2)]'. *Ivan_i je-Cl-AUX vidio auto, [a Stanko_j kupio je-Cl-AUX (1) ga-Cl-ARG (2)]* 'Иван_i связка видел машину [а Станко_j; купил связка (1) её (2)]'. Станным образом, Д. Чавар и К. Уайлдер, приводя эти примеры в разделе об условиях сочинения синтагм с клитиками, оставляют без внимания тот основополагающий факт, что во втором конъюнкте систематически нарушается правило рангов клитик [Clitics: 454—455]. Помимо барьеров, сфера действия основного правила Ваккернагеля, предписывающего размещать сентенциальные клитики / цепочки клитик после первого ударного слова, сужается из-за запретов на дистантное размещение некоторых составляющих, например относительного придаточного с ограничительным значением и его антецедента, ср. с.-хорв. [*Djevojka_i [koju_i Ivan voli_i]*] (1) *je-Cl-AUX (2) fina* '[Девушка_i; [которую_i Иван любит] (1) связка (2) хорошенькая', но не * [*Djevojka_i (1) je-Cl-AUX (2) [koju_i Ivan voli_i]] fina*³¹. Существуют также запреты, связанные с извлечением клитик из состава зависимой предикации в состав главной. Подобные явления статистически ограничивают число случаев, подпадающих под основное правило W2, но не могут поколебать того факта, что в южнославянских языках, чешском и словацком закон Ваккернагеля является не реликтом, а действующим механизмом. Главное подтверждение мы видим в том, что в перечисленных языках нет более грамматикализованного механизма линейного упорядочения. Попытки доказать обратное и вывести позицию клитик на основе генеративной теории перемещения глагола (verb movement) заведомо непродуктивны не только применительно к славянским, но и применительно к германским языкам.

Для германских языков анализ слабоударных местоименных и дейктических элементов как сентенциальных клитик апробирован в работе [Циммерлинг 1999b]. Автор показал, что их распределение в древнескандинавском языке непосредственно объясняется эффектами закона Ваккернагеля. При контактном расположении клитик действует правило рангов, местоименные клитики стоят до дейктических клитики *nú* 'вот, теперь' и *þá* 'тут, тогда', а адвербиальные клитики — после них³². В данном языке порядок слов может

³¹ Дистантное расположение в сербохорватском разрешается, в частности, для бинарных групп вида [атрибутивное прилагательное + ИГ] [детерминатив + ИГ], и [посессивный детерминатив + ИГ], [детерминатив + ИГ], [имя + фамилия]. Соответственно, все эти группы допускают вставку клитики после первого элемента.

³² Ср. примеры на правило рангов: при наличии цепочек из клитик в спаде древнеисландского предложения словоформы личных и возвратных местоимений стоят левее *nú* / *þá*, а поствербы, отрицания и локативные наречия — правее:

быть квалифицирован как свободный, есть единственное ограничение V2: финитный глагол может занимать в независимом повествовательном предложении как вторую, так и первую (начальную) позицию. Место клитик *nú* и *þá* зависит от места, которое занимает глагол. При порядке Субъект — Глагол они не могут занимать вторую позицию, поскольку это нарушит принцип V2. При порядке Глагол — Субъект частица может занимать как вторую, так и третью позицию. Препозиция глагола в древнеисландском языке чаще всего связана с дислокацией ремы.

SV		VS	
SV nú / þá X _R	*S nú / þá V X _R	V _{R1} nú / þá S X _{R2} ~	~ V _{R1} S nú / þá X _{R2}

Таким образом, при порядке V1 частицы *nú* / *þá* могут либо стоять на своем законном (втором) месте, либо сдвигаться вправо. Такой эффект может быть объяснен правилом барьера: если в предложении с начальным глаголом имеется полноударное неместоименное тематическое подлежащее, оно отодвигает клитики на шаг вправо. Если постпозитивное подлежащее представлено слабоударным местоимением, оно ведет себя как клитика и открывает цепочку клитик. Наиболее последовательно описанная система прослеживается по памятникам древнеисландских саг XIII—XIV вв., однако рефлексy закона Ваккернагеля прощупываются по памятникам скандинавских диалектов по крайней мере до конца XVI в.

Современных литературных германских языков и диалектов, где закон Ваккернагеля важен для упорядочения всего предложения, видимо, не существует, несмотря на уверения К. Хупер в обратном [Clitics: 713³³]. В норвежской и немецкой литературных нормах поддерживаются особые правила размещения аргументных клитик, которые восходят к правилу рангов; данные правила, однако, действуют в рамках узкого участка предложения и не привязаны к позиции W2. Ближе к славянским и древнескандинавским системам системы, действующие в ряде норвежских диалектов. Так, в говоре Осло, как

X nú / þá	nú / þá Y
Vil [ek nú] at vit farim <i>báðir</i> til Noregs (Far 93)	ok er Ragnhildr [nú þar eftir], ok er hun flytt til byggða (Far 93)
Хочу [я теперь], чтобы мы поехали в Норвегию оба	и <i>остается</i> Р. [теперь там после], и её увозят на хутор

³³ К. Хупер в указанном месте обсуждает распределение клитик в швейцарских диалектах Берна и Цюриха, где эффекты закона Ваккернагеля прослеживаются прежде всего в придаточном предложении. В данных диалектах закрепилось тернарное различие нередуцированных личных местоимений, проклитик и энклитик.

и в других германских языках, в общих вопросах порядок #VSO обязателен, при этом полноударные дополнения в данном говоре стоят правее отрицания #VSNegO_{NP}, а объектные клитики предшествуют отрицанию #VSO_{Clit}Neg. Объектная клитика не может присоединяться к постпозитивному подлежащему, если оно представлено полноударной ИГ (*#VSN_{NP}O_{Clit}Neg), ср. неграмматичное предложение норв. диал. *Så Peter'a ikke?* 'Видел ли ее Петер?', букв. 'Видел Петер=ю не?'. Если подлежащее представлено клитикой *n'* (= *han* 'он'), цепочка клитик занимает вторую, «ваккернагелевскую», позицию, что дает правильное предложение #VSO_{Clit}O_{Clit}Neg, ср. норв. диал. *Så=n'=a' ikke?* букв. 'Видел=н=ю не?'. Данная картина тривиально объясняется тем, что подлежащая неместоименная ИГ *Peter* 'Петер' образует лишнюю тактовую группу, отодвигая объектную клитику, которая в силу формального запрета на порядок OS не может занять второе место (**Så=a' Peter ikke?*) недопустимо далеко от управляющего ей начального глагола. Напротив, в невопросительных предложениях с начальным ударным подлежащим норв. диал. *Peter // så=a' ikke* 'П. её не видел', проблема взаимного упорядочения S и O_{Clit} не возникает, поэтому ИГ *Peter* естественно трактовать как грамматикализованный барьер, отодвигающий клитику вправо³⁴.

Прогресс в сопоставительно-типологическом описании славянских и германских сентенциальных клитик, по нашему убеждению, связан с отказом от ложных установок, не оправдавших себя в лингвистике XX в. Необходимо отказаться от бесплодных попыток объяснять принцип V2 в германских языках в терминах фразовой просодии и признать, что закон Ваккернагеля совместим с наличием формально-синтаксических ограничений; необходимым условием его функционирования является не полное отсутствие запретов на те или линейные порядки, а наличие большого количества альтернатив, переносящих элементы предложения в начальную позицию. Противопоставление так называемых просодических и так называемых синтаксических объяснений непродуктивно. Закон Ваккернагеля при любых условиях должен быть признан синтаксической идеализацией. Запечатленная в гомеровском древнегреческом и древненовгородском языках «эталонная» система, где в большинстве случаев сентенциальная клитика стоит после первого ударного слова независимо от его синтаксической функции, основана на не менее сложном категориальном обобщении начальной ударной группы как «произвольной синтаксической категории», чем система современного болгарского или современного сербохорватского языков, где начальная группа получает некоторую формально-

³⁴ Показательны трудности, с которыми сталкиваются Л. Хеллан и Кр. Платцак, ищущие альтернативного объяснения в теории перемещения финитного глагола [Clitics: 137—138].

синтаксическую маркировку в силу запрета на разрыв сложных ИГ определенного вида, ср. сръбхрв. *[Djevojka_i (1) je-Cl-AUX (2) [koju_i Ivan voli]] *fin*_a. Сфера применения эффектов барьера (А. А. Зализняк) и развитие формально-синтаксических ограничений в языках, где действует закон Ваккернагеля, должны стать предметом интенсивного исследования, которое поможет оценить естественные пути эволюции порядка слов в германских и славянских языках.

Еще один ресурс мы видим в пересмотре соотношения формальных и коммуникативно-семантических аспектов функционирования клитик. Когда утверждают, что неспособность открывать предложение и употребляться изолированно — словарно заданная черта клитик, проистекающая из их особой просодической природы, это не вызывает возражений, поскольку данные синтаксические свойства клитик вполне выявляются в рамках предложения или даже произвольной замкнутой синтаксической группы, меньшей, чем элементарное предложение. Но когда словарными характеристиками клитик объявляются такие особенности их употребления, как неспособность быть в фокусе контраста и согласовываться с полноударными членами предложения или другими клитиками (новг. *хлеб ти ся дал*, но не **ти и ми дал*, **ти и Ивану дал*, *ти дал*, **а Ивану не дал*), такой подход ведет в тупик, поскольку дискурсивные явления искусственно загоняются в теорию предложения. Между тем все до сих пор описанные факты, от работы Ваккернагеля до работ Зализняка, свидетельствует о том, что закон Ваккернагеля характеризует не синтаксическую структуру независимо от ее коммуникативной интерпретации (доводом *ad reversum* служат огрехи [Clitics: 713] и других работ того же плана), но коммуникативно немаркированную стратегию развертывания устного сообщения в нарративном тексте, при этом вряд ли существует хотя бы один язык, в котором стратегия группировки всех сентенциальных клитик в спаде предложения была бы единственно возможной.

Таким образом, современное состояние знаний к началу XXI в. побуждает заключить, что для адекватного объяснения своеобразия языков, в которых действует или действовал закон Ваккернагеля, требуется отказ как от ортодоксальной генеративной грамматики, так и от не оправдавших себя стереотипов компаративистики.

Литература

- Адмони 1988 — Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. 1988.
 Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. Общая лингвистика: Пер. с фр. М., 1974.
 Берков 1983 — Берков В. П. Результатив, пассив и перфект в норвежском языке // Типология результативных конструкций. Л., 1983, 197 — 204.

- Берков 1996 — *Берков В. П.* Современные германские языки. СПб., 1996.
- Бернекер 1913 — *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch: A — mor-. Heidelberg, 1908—1913.
- Бернштейн 1961 — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Бондарко 1977 — *Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
- Борковский, Кузнецов 1963 — *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Вернер 1979 — *Вернер Г. К.* Взаимодействие тональной и фонемной систем в современных енисейских языках // Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. Л., 1979.
- Винарская, Лепская, Богомазов 1977 — *Винарская Е. Н., Лепская Н. И., Богомазов Г. М.* Правила слогаделения и слоговые модели (на материале детской речи) // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. Вып. 8. М., 1977.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 1. Тбилиси, 1984.
- Георгиева 1969 — *Георгиева В. Л.* Безличные предложения по материалам древнейших славянских памятников (особенно старославянских) // *Slavia*. 1969. 38, 63—90.
- Герценберг 1979 — *Герценберг Л. Г.* Реконструкция индоевропейских слоговых интонаций // Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. Л., 1979.
- Герценберг 1981 — *Герценберг Л. Г.* Вопросы реконструкции индоевропейской просодии. Л., 1981.
- Гухман 1994 — *Гухман М. М.* Готский язык. М., 1994.
- Домашнев, Смирницкая 1992 — *Домашнев А. М., Смирницкая С. В.* [Рец. на:] Berend, Jedig 1991 // Известия АН СССР, Серия литературы и языка. 1992, № 5.
- Донгаузер 1986 — *Донгаузер В. П.* Некоторые фонемные отношения в смешанной фонологической системе // Реализация языковых единиц в тексте. Свердловск, 1986.
- Донгаузер 1987 — *Донгаузер В. П.* Фонологическая и морфонологическая характеристика вокализма при двуязычии (на материале франкского говора) // Межуровневые связи в синхронии и диахронии. Свердловск, 1987.
- Дыбо 1978 — *Дыбо В. А.* Тонологическая гипотеза генезиса индоевропейских акцентных систем // Конференция «Проблемы реконструкции» 23—25 октября 1978: Тезисы докладов. М., 1978.
- Дыбо 1981 — *Дыбо В. А.* Славянская акцентология. М., 1981.
- Дьяконов 1967 — *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии. М., 1967.
- Журавлев 1986 — *Журавлев В. К.* Диахроническая фонология. М., 1986.
- Зализняк А. А. 1993 — *Зализняк А. А.* К изучению языка берестяных грамот // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте; из раскопок 1984—1989 гг. М., 1993.
- Зализняк 1995 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М.: Гнозис, 1995.
- Златоустова, Потапова, Трунин-Донской 1986 — *Златоустова Л. В., Потапова Р. К., Трунин-Донской В. Н.* Общая и прикладная фонетика. М., 1986.
- Иллич-Свитыч 1971 — *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Т. 1. М., 1971.

- Иоганзен 1985 — Иоганзен Т. Б. Звуковой строй северобаварского диалекта в СССР. Одесса, 1985.
- Иокль 1923 — Jokl N. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin, 1923.
- Калнынь 1967 — Калнынь Л. Э. Типология звуковых различий в нижнелужицком языке. М., 1967.
- Калнынь, Масленникова 1985 — Калнынь Л. Э., Масленникова Л. И. Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.
- Касаткин 1995 — Касаткин Л. Л. Некоторые фонетические изменения в консонантных сочетаниях в русском, древнерусском и праславянском языках, связанные с противопоставлением согласных по напряженности/ненапряженности // Вопросы языкознания. 1995. № 2.
- Кацнельсон 1936 — Кацнельсон С. Д. К генезису номинативного предложения. М.; Л., 1936.
- Кацнельсон 1966 — Кацнельсон С. Д. Сравнительная акцентология германских языков. Л., 1966.
- Клычков 1966 — Клычков Г. С. К типологии фонологических систем (исландский консонантизм и скандинавские тоны) // Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966.
- Колесов 1980 — Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
- Колесникова 1974 — Колесникова Л. А. Семантико-синтаксический анализ предложений с *verba* и *nomina meteorologica* древнеанглийского языка. АКД. Л., 1974.
- Кузьменко 1968 — Кузьменко Ю. К. Аффрикаты и сибиллянты в шведских диалектах // Тезисы докладов 4-ой всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1968.
- Кузьменко 1971 — Кузьменко Ю. К. Исландские палатальные смычные // Тезисы докладов 5-ой всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Ч. 2. М., 1971.
- Кузьменко 1973 — Кузьменко Ю. К. Палатализация дентальных в скандинавских языках // Скандинавский сборник. Т. 18. Таллин, 1973.
- Кузьменко 1978 — Кузьменко Ю. К. Судьба исконных противопоставлений /l/—/ll/ и /n/—/nn/ в скандинавских языках // Скандинавская филология «Scandinavica». № 3. Л., 1978.
- Кузьменко 1991 — Кузьменко Ю. К. Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991.
- Кузьмина, Немченко 1971 — Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.
- Леков 1967 — Леков И. Колебания между подложна и безподложна сказуемость при т. н. безлични изречения в славянските езици // Slavia slovaca. 1967. Roč. 2, 4, 321—326.
- Лекомцева 1968 — Лекомцева М. И. Типология структур слога в славянских языках. М., 1968.
- Мартынов 1963 — Мартынов В. В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963.
- Маслов 1949 — Маслов Ю. С. К вопросу о происхождении possessивного перфекта // Ученые записки Ленинградского университета. 1949. № 97. Сер. филол. наук; вып. 14, 76—104.

- Маслов 1983 — Маслов Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. Л., 1983, 41—54.
- Мейе 1938 — Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Мейе А. 1951 — Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
- Мельников 1997 — Мельников А. С. Особенности становления изохронии в исландском // XIII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1997.
- Мельничук 1966 — Мельничук О. С. Развитие структуры славянского предложения. Киев, 1966.
- Минлос 2001 — Минлос Ф. Р. Об одном нетривиальном фонетическом соответствии (рус. *вѣх*, зап.-укр. *весь*, морав. *veš*) // Die Welt der Slaven. 2001. Bd. 46.
- Николаев 1993 — Николаев С. Л. Отражение германского ударения в датском // Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии: Словарь. 1993.
- Никуличева 1996 — Никуличева Д. Б. Характерологические расхождения между датским, шведским и норвежским языками в синтагматике группы глагола // Скандинавские языки. Вып. 3. М., 1996.
- Обнорский 1953 — Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
- Огуречникова 1994 — Огуречникова Н. Л. Участие просодических факторов в организации синтаксических моделей с частицами *BE* и *YMB* (на материале древнеанглийского языка). АКД. М., 1994.
- Пауль 1960 — Пауль Г. Принципы истории языка: Пер. с нем. М., 1960.
- Попов 1986 — Попов В. С. Словесное ударение современных немецкого и русского языков. Сопоставительные исследования семантического взаимодействия единиц разных уровней в системах немецкого и русского языков. Тула, 1986.
- Потапова 1986 — Потапова Р. К. Слоговая фонетика германских языков. М., 1986.
- СГТЯ — Сравнительная грамматика германских языков. Т. 2. М., 1962.
- Смирницкая 1969 — Смирницкая О. А. Архаизмы и инновации в древнеисландском синтаксисе (на материале двух глагольных конструкций) // Вестник Московского университета. 1969. № 4, 30—40.
- Смирницкая 1970 — Смирницкая О. А. Семантическое взаимоотношение глаголов «НАФА» и «VERA» в древнеисландском // Вестник Московского университета. 1970. № 5, 69—74.
- Смирницкая 1977 — Смирницкая О. А. Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977, 5—127.
- Смирницкий 1955 — Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М., 1955.
- Стеблин-Каменский 1953 — Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.; Л., 1953.
- Стеблин-Каменский 1966 — Стеблин-Каменский М. И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1966.
- Стеблин-Каменский, Воронкова 1974 — Стеблин-Каменский М. И., Воронкова Г. В. Фонема — пучок РП? // Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л., 1974.
- Степанов 1984 — Степанов Ю. С. Оборот *земля пахать* и его индоевропейские параллели // Известия АН СССР, Сер. литературы и языка. 1984. Т. 43. № 2.
- Трофимович 1977 — Трофимович К. К. Серболужицкий язык // Славянские языки. М., 1977.

- Трубинский 1983 — Трубинский В. И. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах // Типология результативных конструкций. Л., 1983, 216—226.
- Фасмер 1986 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1986.
- Ходова 1980 — Ходова К. И. Простое предложение в старославянском языке. М., 1980.
- Циммерлинг 1999 — Циммерлинг А. В. Посессивные конструкции в эдических памятниках // Атлантика. 1999. № 4.
- Циммерлинг 1999a — Циммерлинг А. В. Древнегерманский как язык SOV? // Языковая система и речевая деятельность. № 2. Санкт-Петербург, 1999.
- Циммерлинг 1999b — Циммерлинг А. В. Порядок слов и синтаксические позиции // Труды международного семинара «Диалог 1999» по компьютерной лингвистике и её приложениям / Под ред. А. С. Нариньяни. Казань, 1999.
- Циммерлинг 1999c — Циммерлинг А. В. Между синхронией и диахронией: просодические противопоставления в скандинавских языках // Проблемы фонетики. № 3. М., 2000.
- Циммерлинг 2000 — Циммерлинг А. В. Между синхронией и диахронией: просодические противопоставления в скандинавских языках // Проблемы фонетики. № 3. М., 2000.
- Циммерлинг 2000a — Циммерлинг А. В. Текст — высказывание — слово: автономность слова как параметр исторического синтаксиса // Славяно-германские исследования. Т. 1. М., 2000.
- Широкова 1977 — Широкова А. Г. Чешский язык // Славянские языки. М., 1977.
- Шрамл 1969 — Шрамл И. И. Фонетика и морфология немецких говоров советского Закарпатья (на материале немецких говоров Мукачевского района). Львов, 1969.
- Anderson 1993 — Anderson S. The Wackernagel revenge // Language. 1993. 1.
- Avgustinova, Oliva 1997 — Avgustinova T., Oliva K. On the Nature of the Wackernagel Position in Czech // Formale Slavistik / Uwe Junghanns, Gerhild Zybatow. Frankfurt-a. M., 1997.
- Behaghel 1922 — Behaghel O. Deutsche Syntax. Heidelberg. Bd. 1: 1922; Bd. 2: 1924; Bd. 3: 1927.
- Berend, Jedig 1991 — Berend N., Jedig H. Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie. Marburg, 1991.
- Bielfeldt 1983 — Bielfeldt H. H. Die Vertretung deutscher e-Laute in sorbischen Entlehnungen // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 28. № 3. Berlin, 1983.
- Braune 1955 — Braune W. Althochdeutsche Grammatik. Halle (Saale), 1955.
- Brink, Lund 1975 — Brink L., Lund J. Dansk rigsmæl. Lydudviklingen siden 1840 med særlig henblik pе socialekten i København. Bd. 1, 2. København, 1975.
- Broch, Jahr 1984 — Broch I., Jahr E. H. Russenorsk — et pidginsprek i Norge. Oslo, 1984.
- Brugmann 1925 — Brugmann K. Die Syntax des einfachen Satzes im Indogermanischen. Berlin, Leipzig, 1925.
- Brøndum-Nielsen 1950 — Brøndum-Nielsen J. Gammeldansk grammatik. 1. Inledning. Tekstkildernes lydbetegnelse. Vokalisme. København, 1950.
- Brøndum-Nielsen 1968 — Brøndum-Nielsen. Gammeldansk grammatik. 2. Konsonantisme. København, 1968.
- Christiansen 1948 — Christiansen H. Norske dialekter. Hf. 3. Oslo, 1948.
- Christiansen 1954 — Christiansen H. Norske dialekter. Hf. 3. Oslo, 1954.
- Clitics — Clitics in the languages of Europe / Ed. H. van Riemsdijk. The Hague, 1999.
- Comrie 1991 — Comrie B. Yiddish is Slavic? // International Journal of the Sociology of Language. 1991. № 91.

- Dahlerup 1919—1954 — *Dahlerup V.* Ordbog over det Danske sprog. København, 1919—1954.
- Delbrück 1991 — *Delbrück B.* Germanische Syntax. Bd. 2. Zur Stellung des Verbums. Leipzig, 1911.
- Ebeling 1963 — *Ebeling C. L.* Questions of Relative Chronology in Common Slavic and Russian Phonology // Dutch Contributions to the Fifth International Congress of Slavistics. The Hague, 1963.
- Elert 1972 — *Ebeling C. L.* Tonality in Swedish: rules and a list of minimal pairs // Studies for Einar Haugen. The Hague; Paris, 1972.
- Engstrand 1995 — *Engstrand O.* Phonetic Interpretation of the World Accent Contrast in Swedish // *Phonetica*. 1995. Vol. 52. № 3.
- Falk, Torp 1960 — *Falk H. S., Torp A.* Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch. Oslo: Bergen; Heidelberg, 1960.
- Foss 1971 — *Foss G.* Die niederdeutsche Siedlungsmundart in Lipnoer Lande. Poznań, 1971.
- Franks 1995 — *Franks S.* Parameters of Slavic Morphosyntax. (Oxford Studies in Comparative Syntax). New York; Oxford, 1995.
- Gårding 1978 — *Gårding E.* The Scandinavian word accents. Lund, 1978.
- Gebauer 1929 — *Gebauer J.* Historická mluvnice jazyka českého. 4. Praha, 1929.
- Hagström 1967 — *Hagström B.* Ändelsevokalerna i färöiskan. En fonetisk-fonologisk studie. 1967.
- Havránek 1937 — *Havránek B.* Genera verbi v slovanských jazycích. 2. Praha, 1937.
- Havránek 1962 — *Havránek B.* K historickosrovnávacímu poznání syntaxe slovanských jazyků // Otázky slovanské syntaxe. Praha, 1962.
- Havránek 1973 — *Havránek B.* Větná struktura v nejstarších fázích slovanských jazyků // Československé přednášky pro VII mezinárodní sjezd slavistů. Praha, 1973.
- Heusler 1913 — *Heusler A.* Altisländisches Elementarbuch. Heidelberg, 1913.
- Housted 1994 — *Housted F. D.* Stednavnene af Slavisk Oprindelse p Lolland, Falster og Møn. København: C. A. Reitzels Forlag, 1994.
- Hovda 1954 — *Hovda P.* Ymist kring jamvektlovi // Maal og minne. Oslo, 1954.
- Hutterer 1975 — *Hutterer C. J.* Die germanischen Sprachen. Ihre Geschichte in Grundzügen. Budapest, 1975.
- Jakobson 1935/1971 — *Jakobson R.* Les enclitique slaves // *Jakobson R.* Selected Writings II. Word and language. The Hague; Paris, 1935/1971.
- Jakobson 1962a — *Jakobson R.* Звуковые особенности, связывающие идиш с его славянским окружением // *Jakobson R.* Selected Writings. 1. Phonological Studies. 's-Gravenhage, 1962.
- Jakobson 1962b — *Jakobson R.* On the Elimination of Long Consonants in Czech // *Jakobson R.* Selected Writings. 1. Phonological Studies. 's-Gravenhage, 1962.
- Kloster Jensen 1958 — *Kloster Jensen M.* Bokmålets tonelagspar («Vippere») // Universitet i Bergen. Erbok 1958. № 2. Bergen.
- Kristensson 1976 — *Kristensson G.* A note on palatalization of Germanic *k* in English // *Studia neophilologica*. Vol. 48; № 2. Stockholm, 1976.
- Kuhn 1933 — *Kuhn H.* Zur Vorstellung und Betonung im Altgermanischen // *PBB*. Bd. 57. Halle, 1933, S. 1—108.
- Lasch 1939 — *Lasch A.* Palatales *k* im Altniederdeutsch // *Neuphilologische Mitteilungen*. Jg. 40. Helsinki, 1939.
- Laszicius G. 1966 — *Laszicius G.* Geschichte der Silbenfrage // *Laszicius G.* Selected Writings. 's-Gravenhage, 1966.

- Lehmann 1974 — *Lehmann W.* Proto-Indo-European Syntax. Austin; London: University of Texas press, 1974.
- Lessiak 1959 — *Lessiak P.* Die deutsche Mundart von Zarz in Oberkrain. A. Grammatik. Marburg, 1959.
- Lessiak P. 1963 — *Lessiak P.* Die Mundart von Pernegg in Kärnten. Marburg, 1963.
- Liberman 1982 — *Liberman A. S.* Germanic Accentology. 1. The Scandinavian Languages. Minneapolis, 1982.
- Lie 1989 — *Lie S.* Være som hjelpeverb i perfekt // *Maal ok Minne*. 1989. № 3—4.
- Meillet 1908 — *Meillet A.* La phrase nominale en indoeuropéen // *Mémoires de la Société de Linguistique de Paris*. T. 14; Fasc. 1. Paris, 1906—1908, 1—21.
- Meillet 1924 — *Meillet A.* Le développement du verb *avoir* // *Antidoron...* J. Wackernagel. Basel, 1924.
- Michalk 1971 — *Michalk S.* Mundart und Umgangssprache der Bilingualen von Gross Partwitz im Kreis Hoyeswerda // *Zeitschrift für Slawistik*. Berlin, 1971. Bd. 16. № 1.
- Michalk, Protze 1974 — *Michalk S., Protze H.* Studien zur sprachlichen Interferenz. 2. Deutsch-sorbische Dialekttexte aus Radibor Kreis Bautzen. Bautzen, 1974.
- Nash 1986 — *Nash.* Topics in Warlpiri Grammar // *Outstanding dissertations in linguistics*. New York; London, 1986.
- Noreen 1907 — *Noreen A.* Vårt språk. Bd. 2. Lund, 1907.
- Noreen 1923 — *Noreen A.* Altisländische und altnorwegische Grammatik. Halle (Saale), 1923.
- Nygaard 1906 — *Nygaard M.* Norrøn Syntax. Kristiania, 1906.
- Penzl 1947 — *Penzl H.* The phonemic Split of Germanic *k* in Old English // *Language*. Baltimore, 1947. V. 23. № 1.
- Pauliny, Ružičká, Štolz 1968 — *Pauliny E., Ružičká J., Štolz J.* Slovenská Gramatica. Bratislava, 1968.
- Schmidt 1981 — *Schmidt H.* 'Salat oder Sa'lat? Gegensätzliche Betonungstendenzen in der deutschen Literatursprache // *Sprachpflege*. Leipzig, 1981. 30. Jg. № 10.
- Schuster-Šewc 1972 — *Schuster-Šewc H.* Die Genese des aspirierten Konsonanten *k* im Obersorbischen. (Ein Beitrag zur historischen Phonologie des Westslawischen) // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. Berlin, 1972. Bd. 25: № 4/5.
- Schuster-Šewc 1974 — *Schuster-Šewc H.* Satze mit fiktivem Subjekt vom Typ os. wono so dešćuje / ns. to se pada «es regnet» und ihre Stellung in der slawischen Syntax // *Zeitschrift für Slavistik*. 1974. 3, 340—352.
- Schuster-Šewc 1991 — *Schuster-Šewc H.* Gutachten // *International Journal of the Sociology of Language*. 1991. № 91.
- Schwarz 1929 — *Schwarz E.* Zur Chronology von Asl. *u > y* // *Archiv für slavische Philologie*. Berlin, 1929. Bd. 42.
- Schwarz 1960 — *Schwarz E.* Slavische Vokalkürzungen und deutsche Diphthongierung // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Berlin, 1960. Bd. 28; Hf. 2.
- Skautrup 1947 — *Skautrup P.* Det Danske sprogs historie. Bd. 2. København, 1947.
- Smirnitskaja 1972 — *Smirnitskaja O.* The Impersonal sentence patterns in the Edda and in the Sagas // *Arkiv för Nordisk Filologi*. 1972. 87, 56—88.
- Stang 1972 — *Stang Chr.* Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972.

- Thorsson 1950 — *Thorsson P.* Om regressiv palatalisering av *g, k* i germansk, serleg i nordisk // *Acta philologica scandinavica*. 1949 [1950], 20. Aarg., Hf. 3.
- Timberlake 1975 — *Timberlake A.* Subject properties in the North Russian Passive // *Subject and Topic*. New York, 1975, 547—570.
- Trávníček 1956 — *Trávníček Fr.* Historická mluvnice česká. 3. Praha, 1956.
- Vasilev 1973 — *Vasilev C.* Ist die konstruktion «*u menja est'*» russisch oder urslavisch // *Die Welt der Slaven*. 1973. Bd. 18, 361—367.
- Wackernagel 1892/1953 — *Wackernagel J.* Über ein Gesetz der indogermanischer Wortstellung // *Wackernagel J.* Kleine Schriften. Bd. 1. Basel, 1953, 1—103.
- Wackernagel 1926 — *Wackernagel J.* Vorlesungen über Syntax. 1. Basel, 1926.
- Van Windekens 1976 — *Van Windekens A. J.* Le tokharien confronté avec les autres langues indoeuropéennes. Louvain, 1976.
- Weinreich 1958 — *Weinreich W.* Yiddish and Colonial German in Eastern Europe: The Differential Impact of Slavic. American Contributions to the Fourth International Congress of Slavistics. Moscow, Septembre. 's-Gravenhage, 1958.
- Weinreich 1980 — *Weinreich M.* History of the Yiddish Language. Chicago; London, 1980.
- Wexler 1991 — *Wexler P.* Yiddish — the 15th Slavic Language // *International Journal of the Sociology of Language*. 1991. № 91.
- Wexler 1991a — *Wexler P.* Rebuttal essay // *International Journal of the Sociology of Language*. 1991. № 91.
- Wied 1898 — *Wied K.* Dänische Konversations-Grammatik. Heidelberg, 1898.
- Yakubovich 2000 — *Yakubovich I.* Laryngeals from velars in Hittite: A triple-headed argument // *Proceedings of the 11th Annual UCLA Indo-European conference*, 2000.
- Zubaty 1954 — *Zubaty J.* Studie a články. 2. Praha, 1954.